ЛМ
Б 90

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!

Сергѣй Булгаковъ.

ВОЙНА
И
РУССКОЕ САМОСОЗНАНІЕ.

(Публичная лекція).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой домъ.
МОСКВА. — 1915.

ЛМ
Б 90

ВОЙНА и КУЛЬТУРА.

Сергѣй Булгаковъ.

ВОЙНА
И
РУССКОЕ
САМОСОЗНАНІЕ.

БИБЛІОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 138415.

(Публичная лекція).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., свой д.
МОСКВА.—1915.

I.

Геологи учатъ, что въ образованіи земной поверхности участвовали силы вулканическія, и наше обиталище создано рядомъ геологическихъ катастрофъ и землетрясеній. Расплавленная лава покрывается отъ времени прочной корой и одѣвается плодоносной почвой, а на быломъ вулканѣ появляются цвѣтущія поля, возникаютъ уютныя селенія, въ которыхъ жизнь заводитъ свой пестрый хороводъ. Съ теченіемъ времени утрачивается даже и воспоминаніе о давнемъ изверженіи, а твердость вулканическихъ породъ еще содѣйствуетъ всеобщему убѣжденію въ прочности и незыблемости почвы, въ полной обезпеченности жизни. Создается особое чувство мѣста и вѣра въ мѣсто, провинціальная пріуроченность къ своему мѣсту, — то, что иногда именно и зовется мѣщанствомъ, и это чувство прочности мѣста ласкаетъ и пьянитъ, усыпляетъ и разслабляетъ. Оно кладетъ отпечатокъ на все міроощущеніе; оно есть незримый, но могущественный фонъ жизни; оно, какъ обертонъ, звучитъ во всѣхъ ея тональностяхъ. И вдругъ... снова происходитъ изверженіе вулкана, начинается землетрясеніе... Какъ карточныя постройки, валятся уютные домики, пылаютъ лѣса, рушатся горы, про-

валиваются въ бездну плодоносныя равнины. Не происходитъ ли одновременно такое же землетрясеніе и въ душахъ людей, не есть ли это катастрофа и въ мірѣ духовномъ? Не потрясается ли въ нихъ привычная вѣра въ мѣсто, въ прочность и обезпеченность человѣческаго бытія на землѣ, не никнетъ ли, какъ трава на огнѣ, общее мірочувствіе мѣщанства?

16. «И сказалъ имъ притчу: у одного богатаго человѣка былъ хорошій урожай въ полѣ.

17. И онъ разсуждалъ самъ съ собой: что мнѣ дѣлать? некуда мнѣ собрать плодовъ моихъ.

18. И сказалъ: вотъ что сдѣлаю: сломаю житницы мои и построю большія, и соберу туда весь хлѣбъ мой и все добро мое.

19. И скажу душѣ моей: душа, много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись.

20. Но Богъ сказалъ ему: безумный! въ сію ночь душу возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ?» (Лук. 12, 16—20).

Не осуществляется ли эта простая и мудрая правда Вѣчной Книги надъ отдѣльными лицами и цѣлыми народами, какъ разъ въ такое время, когда они начинаютъ болѣе всего вѣрить въ прочность мѣста и свою собственную мощь? «пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его» (Пс. 102, 16). А они уповали на незыблемость этого своего мѣста и въ него вѣрили больше, чѣмъ въ творческую силу, вызвавшую къ бытію и это мѣсто, и ихъ самихъ. Это желаніе «устроиться на землѣ» прочно и окончательно, притомъ со вкусомъ и комфортабельно, эта любовь къ мѣсту, какъ основа

всяческаго мѣщанства, не есть черта, свойственная только отдѣльнымъ лицамъ или эпохамъ; она составляетъ общечеловѣческое свойство, глубоко и, быть-можетъ, неискоренимо заложенное въ душѣ сыновъ земли, которые простодушно, а по большей части и чрезмѣрно любятъ свою земную колыбель, отдавая ей и свой трудъ, и свою заботу, и свою нѣжность. Вѣдь такъ естественно лелѣять свой уголъ въ мірѣ, и можно ли не любить, да и позволительно ли не любить своей родины, своего мѣста въ поднебесной, своихъ близкихъ и кровныхъ, своего языка и народа, своей жены и дѣтей? Развѣ это не было бы неблагодарностью, а что же чернѣе неблагодарности? Это чувство имѣетъ свою естественную и безспорную, хотя и низшую, ограниченную правду, которую, однако, надо исполнить какъ и всякую правду. А далѣе является уже психологически неизбѣжнымъ, что каждый изъ насъ, любя свое мѣсто на землѣ, не можетъ не вѣрить, если не до конца, то хотя нѣсколько, и въ его прочность, а постольку не можетъ и не хотѣть этой прочности. Вѣдь безъ этой любви, безъ этого, скажу я, естественнаго провинціализма души, намъ нечего было бы и оставлять на землѣ, не съ чѣмъ разлучаться, не отъ чего отказываться, не отъ чего освобождаться; за предѣлами этого чувства остается лишь свобода пустоты, какая существуетъ для человѣка, ни къ чему не привязаннаго, нигдѣ не имѣющаго корней и исповѣдующаго: ubi bene, ibi patria. Однако здѣсь, какъ и нерѣдко въ области чувства, важнѣйшіе оттѣнки выражаются не въ тонахъ, но въ полутонахъ и обертонахъ. Чувство земли, сыновство, почвенность, нечувствительно переходитъ въ разслабляющее мѣщанство. Для человѣческой сла-

бости и духовной лѣни, при желаніи успокоиться на мѣстѣ, всегда существуетъ опасность возлюбить это свое мѣсто — сначала лишь немножко больше, чѣмъ это можетъ быть допущено безъ потери душевнаго равновѣсія, безъ опасности для духовнаго здоровья. Но разъ только инстинкту мѣщанства предоставлено хотя нѣкоторое господство въ душѣ, онъ становится уже деспотическимъ и жестокимъ, калѣча духовно свои жертвы. Восторжествовавшее же и утвердившееся мѣщанство становится враждебнымъ свободѣ духа и встрѣчаетъ съ ревнивой подозрительностью, злобой и тупымъ непониманіемъ всякое сомнѣніе въ прочности мѣста и въ его незыблемости. Была однажды въ исторіи человѣчества короткая, но блаженная пора, когда казалась совершенно побѣжденной эта косность мѣста и вѣра въ прочность — не только даннаго мѣста, но и вообще всего міра, ибо чувствовали, жизненно, а не мыслью только знали, что «преходитъ образъ вѣка сего». Этотъ короткій праздникъ для человѣческаго духа, наступившій для первохристіанства послѣ Пятидесятницы, эта свобода отъ міра и невѣріе въ мѣсто, великой радостью свѣтитъ людямъ, какъ нѣкоторый высшій идеалъ жизнеощущенія, и поэтому онъ снова и снова становится нормой для людей въ эпохи духовнаго и творческаго подъема. Римское мѣщанство устами знаменитаго Цельса враждебно заклеймило тогда этихъ мечтателей, какъ измѣнниковъ всему мѣстному, отечественному, временному, и оно было по-своему право, хотя упреки эти не доходили до слуха тѣхъ, которые вѣдали иное, нездѣшнее отечество. Застывшая кора, прикрывающая собою расплавленную лаву и для мѣщанскаго чувства жизни образующая непроницае-

мую преграду отъ стихіи космическаго хаоса, не обманывала этихъ мечтателей, и они нисколько не вѣрили въ ея прочность. Время и мѣсто въ ихъ міроощущеніи не имѣли протяженности и какъ будто сливались въ одну точку: «странниками и пришельцами», готовыми въ каждый мигъ оставить насиженное мѣсто, чувствовали себя первохристіане, какъ тѣ мужи, которые по зову: «встань и иди за Мной», оставляли и мѣсто свое, и жизненное дѣло свое. Неоспорима религіозная правда этого міроощущенія: трудно вмѣстить его въ такой полнотѣ, вѣроятно, не каждой эпохѣ и дано вмѣщать. Однако, какъ внутренній голосъ, какъ антиномическій коррективъ любви къ мѣсту, какъ незаглушимый зовъ издалека и изъ глубины и, наконецъ, какъ сама суровая правда жизни, съ которой приходится имѣть дѣло каждому въ своей личной судьбѣ въ моменты жизненныхъ катастрофъ и въ виду для всѣхъ неизбѣжнаго конца,— повелительно звучитъ это невѣріе въ мѣсто; ибо вѣдь не только любое мѣсто, но и самое мѣсто мѣстъ, міръ сей, не способенъ вмѣстить жизни нашего духа, не можетъ и не долженъ вмѣстить. И безсмертная душа человѣческая дороже цѣлаго міра. А мы, которые чувствуемъ себя роковымъ образомъ прирастающими къ своему мѣсту, должны одновременно ощущать себя странниками и пришельцами въ этомъ мірѣ, взыскующими иного града, иного, нездѣшняго мѣста; мы должны лелѣять въ себѣ чувство временности всего земного и свободы отъ него; мы должны сознавать себя гражданами двухъ міровъ, которые, однако, въ послѣдней основѣ, въ глубинѣ своей, составляютъ одинъ и тотъ же міръ, только въ двухъ его видахъ или состояніяхъ. Въ этомъ двойственномъ,

противорѣчивомъ самочувствіи заключается и трудность духовнаго пути для человѣка, здѣсь же заложена и опасность постоянныхъ уклоновъ и срывовъ то въ одну, то въ другую сторону, ибо одинаковымъ уклономъ явится здѣсь и легкомысленное, а потому въ глубинѣ своей неискреннее міроотреченіе, какъ религіозная фальшь, какъ непризнаніе заповѣди труда и сыновней вѣрности матери-землѣ, и, обратно, чрезмѣрная привязанность къ мѣсту и этому міру, не какъ нормальное, здоровое свойство души, но какъ ея болѣзнь и мѣщанское разслабленіе.

Очевидно, однако, что опасность второго уклона проявляется сильнѣе и интенсивнѣе, причемъ для человѣчества изнѣженнаго и цивилизованнаго она больше, нежели для грубаго и примитивнаго; мѣщанство есть постоянная угроза и изнанка высокой цивилизованности, при которой хотя до нѣкоторой степени побѣждается бѣдность, достигается извѣстное довольство и болѣе или менѣе утонченный комфортъ жизни, и, что̀ еще важнѣе, въ человѣчествѣ появляется сознаніе неограниченной мощи для умноженія этого комфорта. Человѣкъ ощущаетъ себя тогда нѣкіимъ Прометеемъ мѣщанства, искуснымъ ковачомъ своей судьбы, мудрымъ хозяиномъ, умѣющимъ использовать свое мѣсто на землѣ и знающимъ ему цѣну. Причемъ цѣна эта поднимается тѣмъ выше, чѣмъ больше становится общій комфортъ жизни, завоеванное ея благополучіе. Развивается не только непосредственная любовь къ мѣсту, amor loci, но и особая философія мѣста и религія мѣста.

Едва ли я окажусь не правъ, если скажу, что въ этомъ глубоко осознанномъ amor loci, въ этомъ гипертрофированномъ чувствѣ мѣста, связанномъ съ

великими достиженіями на поприщѣ цивилизованности, и заключается основная особенность міроощущенія новой Европы: комфортъ жизни, понимаемый не только въ грубомъ смыслѣ различныхъ внѣшнихъ ея удобствъ, но и утонченныхъ духовныхъ вкусовъ, культурный эпикуреизмъ, умѣніе находить счастливую мѣру въ пользованіи всякими благами жизни, желаніе «устроиться на землѣ» прочно и съ артистическимъ вкусомъ, — такова ея жизненная мудрость, такова духовная музыка ново-европейской цивилизаціи. Этимъ комфортомъ прежде всего импонировала и привлекала къ себѣ Европа «варварскіе» народы, и этимъ же комфортомъ плѣненные, — кто внѣшнимъ укладомъ жизни, а кто строемъ научнаго образованія, — начиная съ эпохи Петра Великаго, потянулись къ ней и наши соотечественники. Долженъ сознаться, что мнѣ давно уже стало страшно отъ современной Европы, и я пересталъ туда ѣздить: мистическую жуть на меня нагоняло европейское чувство жизни. На этой бездушной мостовой, въ стальныхъ объятіяхъ европейскаго комфорта какъ-то чувствовалось, что теряешь Бога въ себѣ самомъ: «старый богъ» умеръ, — что-то назойливо шептало въ душѣ, сдайся въ непосильной борьбѣ, поклонись новому богу, здѣшнему, мѣстному, земному, «имманентному», а имя ему *Комфортъ*. И остро чувствовалось нездоровое и опасное, растлѣвающее вѣяніе въ этой атмосферѣ, и тонкимъ ядомъ этого міроощущенія отравлялось духовное творчество новой Европы, ея самосознаніе и самоопредѣленіе. Да и какъ же иначе? «Гдѣ сокровище ваше, тамъ и сердце ваше», изъ сердца исходятъ помышленія, а ими запечатлѣвается мудрость вѣка. Amor loci, эта любовь не къ

живому, но къ вещамъ, и не къ людямъ, но къ гомункуламъ, и не къ органическому, но къ механическому, можетъ быть, вообще, обнаруживаема въ разныхъ направленіяхъ. Остановимся коротко на самыхъ основныхъ.

Къ числу наиболѣе распространенныхъ и вліятельныхъ идей новоевропейской эпохи принадлежитъ, безспорно, идея *прогресса и эволюціи*. Эта идея многолика въ своихъ выраженіяхъ, но едина въ существѣ. Она есть не что иное, какъ динамическое выраженіе amor loci, его проекція въ движеніи, при чемъ подъ внѣшнимъ образомъ движенія здѣсь скрывается полнѣйшее признаніе косной неподвижности жизни. Существуетъ, по этому ученію, непрерывное и непрестанное развитіе и движеніе, которое совершается силами, уже наличными и обнаружившимися, наукѣ извѣстными и потому подлежащими учету и исчисленію причинъ и слѣдствій: прогрессъ есть функція чисто к о л и ч е с т в е н н а г о роста, раскрытіе уже имѣющихся налицо энергій, и потому его единственное орудіе есть время. Прогрессъ эволюціоненъ (или же, наоборотъ, эволюція прогрессивна): онъ совершается подъ дѣйствіемъ опредѣленнаго круга силъ, причинъ и слѣдствій, въ немъ нерушимо блюдется замкнутость и наличная данность міра, какъ единственно возможная. Для первохристіанъ, которые не вѣрили именно въ эту замкнутость міра и нерушимость мѣста, но чаяли новаго творенія и преображенія, былъ бы совершенно не понятенъ этотъ апоѳеозъ мѣста, и они съ ужасомъ отвергли бы эти ковы князя міра сего. И, напротивъ, нашъ вѣкъ еле удостоиваетъ снисходительной улыбки тѣхъ, кто не вѣритъ въ эту прочность мѣста, какъ будто непреложно удостовѣряемую всѣмъ жизнен-

нымъ и историческимъ опытомъ, а главное, несокрушимостью и неограниченностью закона причинности, какъ наилучшей и вполнѣ надежной гарантіи эволюціоннаго прогресса. Въ этомъ прогрессѣ и разрѣшаются сами собой, согласно теперешней вѣрѣ, всѣ трудности жизни, сглаживаются всѣ ея противорѣчія. Пусть будетъ путь этотъ долгимъ и тернистымъ, но прогрессъ несетъ въ себѣ достаточно средствъ для излѣченія всѣхъ золъ: нѣтъ трудностей неодолимыхъ и вопросовъ неразрѣшимыхъ; есть бѣдствія, но нѣтъ трагедіи, которая была бы неустранима прогрессомъ. Глубокой успокоенностью вѣетъ отъ этой вѣры, порожденной amor loci. Отсюда понятна и враждебная подозрительность ко всему, что способно нарушить это спокойствіе, потревожить эту вѣру, показавъ ея безпочвенность. И въ этомъ смыслѣ вѣра въ прогрессъ есть выраженіе глубокаго консерватизма духа; она есть мѣстная, посюсторонняя или, какъ сказали бы философы, имманентная оріентировка жизни, философія застывшей на кратерѣ лавы, которая во что бы то ни стало хочетъ забыть о своемъ происхожденіи, какъ и о томъ, что подъ нею грозно шевелится огненный хаосъ.

Amor loci окрашиваетъ собой и философское самосознаніе новоевропейской эпохи, онъ избираетъ изъ различныхъ возможностей философствованія именно то, что ему наиболѣе сродно и не противорѣчитъ его чувству мѣста, этой универсальной посюсторонности, выражающейся въ признаніи даннаго разрѣза бытія единственно возможнымъ. За его предѣлами, гласитъ мудрость вѣка сего, ничего не существуетъ, и потому нѣтъ ничего, что бы не опредѣлялось мѣрою и вѣсомъ и не исчислялось по таблицамъ логариѳ-

мовъ. Нѣтъ Бога на небѣ, который бы вмѣшивался въ земныя дѣла, и нѣтъ хаотической стихіи, которая бы имъ угрожала изъ бездны: человѣкъ остается одинъ на землѣ, онъ есть единственный хозяинъ міра, этого своего мѣста, и можетъ невозбранно и неограниченно творить на немъ эволюціонный прогрессъ свой. Если такова воля сердца и таковъ голосъ amor loci, въ немъ властно звучащій, то отсюда родятся и соотвѣтствующія философскія «помышленія». Было бы, конечно, нелѣпостью думать, чтобы такимъ, въ сущности, низменнымъ желаніемъ могла вполнѣ опредѣляться и исчерпываться философія, хотя сколько-нибудь достойная своего имени, и подлинные философы, уязвленные «любовью къ Софіи», неизбѣжно являются постольку и благородными измѣнниками своей эпохи, теряютъ съ нею соприкосновеніе, поднимаютъ противъ нея знамя мятежа, перестаютъ быть ея современниками; однако и сами они при этомъ неизбѣжно заражаются и отравляются ею. Притомъ и она слышитъ и усвояетъ себѣ изъ философскихъ мотивовъ только тѣ, которые ей нужны и удобны, ибо жизнь и здѣсь остается первѣе всякой философіи (primum vivere, deinde philosophari). Самыя вліятельныя философскія теченія идутъ на службу господствующему міроощущенію, причемъ теченія эти очень различны по своему философскому характеру и цѣнности: это—кантовскій трансцендентализмъ съ его духовными развѣтвленіями, матеріализмъ разныхъ оттѣнковъ, позитивизмъ разныхъ наименованій, объединяющіеся на томъ, что всѣ они называютъ себя, въ томъ или иномъ смыслѣ, научною философіей, хотятъ осуществить идеалъ научности въ философствованіи. Человѣку, по ученію Канта, доступно только познаніе феноменовъ, или

явленій; область этого феноменальнаго міра, такъ сказать, жизненное его мѣсто, опредѣляется нашими же познавательными формами и ими строго замкнута; за предѣлами этого міра явленій не можетъ возникнуть ничего, для насъ доступнаго и ощутимаго, а это практически значитъ, что вообще не существуетъ ничего, кромѣ этого мѣста, жизненно утверждаемаго нами, какъ арена для человѣческой воли. Хотя собственное міровоззрѣніе Канта было богаче и сложнее, однако, таковъ былъ практическій выводъ изъ критицизма Канта, который, по-разному, и былъ сдѣланъ въ новѣйшемъ неокантіанствѣ, съ одной стороны, но и еще въ классическомъ нѣмецкомъ идеализмѣ, съ другой. Завершающая развитіе послѣдняго гегелевская метафизика, съ ея выводомъ, что «все дѣйствительное разумно, а все разумное дѣйствительно» и съ апоѳеозомъ прусской государственности, какъ земного лика Абсолюта, уже метафизически установляетъ незыблемость мѣста, окончательно его абсолютизируетъ. Но то же самое по-своему дѣлаетъ и, напримѣръ, крупнѣйшій изъ представителей неокантіанства Когенъ, такую же абсолютность присвоявшій научному методу. Нѣсколько на иной манеръ, но той же самой жизненной мудрости учитъ насъ позитивизмъ: О. Контъ, Спенсеръ и др. Сущность вещей намъ невѣдома, мы познаемъ только явленія («факты») и ихъ законы, изъ коихъ основной есть универсальный принципъ эволюціи — прогресса; будемъ же постигать этотъ законъ, чтобы пользоваться имъ: savoir c'est prévoir. При всей огромной разницѣ въ философскомъ содержаніи ученій Канта и Конта, нѣтъ ощутительнаго различія въ ихъ жизненномъ выводѣ и практическомъ мотивѣ: это тотъ же самый

феноменализмъ, только съ различной четкостью и тонкостью выражаемый. Но не иному, вѣдь, учитъ насъ и матеріализмъ, грубый и утонченный. Сущность міра есть матерія, совокупность недѣлимыхъ атомовъ, группирующихся по опредѣленнымъ законамъ, или же силъ, энергій, теперь замѣнившихъ собой прежніе атомы. Игрою этихъ законовъ и создается наша вселенная и мы въ ней, причемъ эта матерія въ человѣкѣ, въ его сознаніи, достигаетъ способности понимать свои собственные законы. Фактически въ явленіяхъ природы и познается самая сущность вещей, — «was ist drinnen, das ist draussen»,—можетъ и матеріализмъ примѣнить къ себѣ этотъ популярный и многозначный гётевскій стихъ. И матеріализмъ оказывается тѣмъ же феноменализмомъ, только метафизически наиболѣе притязательнымъ: именно тамъ, гдѣ даже Кантъ и Контъ еще говорятъ о непознаваемой сущности вещей, тамъ матеріализмъ открыто ставитъ знакъ равенства между сущностью и матеріей, тѣмъ самымъ исповѣдуя абсолютный метафизическій феноменализмъ.

Итакъ, три основныхъ философскихъ русла, которыя расходятся потомъ въ разныя стороны, въ истокѣ своемъ сближаются въ общемъ міроощущеніи, въ молчаливомъ принятіи нѣкоторой жизненной аксіомы, продиктованной amor loci, вѣрой въ прочность и незыблемость мѣста.

Изъ того же источника проистекаетъ и основное свойство духа современности, — пафосъ научности, стремленіе стать научно-методичнымъ во всемъ: въ изученіи и размышленіи, въ религіи и искусствѣ, въ хозяйствѣ и войнѣ, и сама философія хочетъ быть прежде всего научной и универсальный методизмъ

принять въ самое сердце. Наука же, какъ таковая, по существу своему только и можетъ быть феноменализмомъ, имѣть дѣло только съ явленіями, и притомъ еще методически преобразованными и систематизированными. Какъ съ наибольшей ясностью удалось показать Г. Когену, науку сама порождаетъ свой объектъ, свои проблемы, творитъ свой міръ, основное качество коего есть непрерывность, закономѣрность, вѣрность методу, причемъ философія и хочетъ быть самосознаніемъ этого методизма. Наука при этомъ какъ бы сама создаетъ для себя нѣкое абсолютное мѣсто, — это ли не amor loci въ его апоѳеозѣ! Наука становится поэтому не только главнымъ орудіемъ прогресса, но и больше всего убѣждаетъ человѣка въ абсолютности м ѣ с т а; она созидаетъ надъ нимъ, въ защиту отъ неба съ опасными его глубинами, бронированный, непроницаемый куполъ, подъ которымъ, какъ бы въ подземельѣ, и живетъ духовно современное человѣчество. Міръ утрачиваетъ въ человѣческомъ сознаніи свою глубину, становится плоскостнымъ и маломѣрнымъ.

Соотвѣтственно основному духу вѣка опредѣлились и формы общественнаго самосознанія, и онѣ, выигравъ въ четкости, потеряли въ полнотѣ и многозвучности. Средневѣковая Европа искала такихъ общественныхъ формъ, которыя хотя бы нѣсколько приближались къ начертанному Августиномъ идеалу civitas Dei, теократической, религіозно-насыщенной общественности: ея домогались, каждая по-своему, и папская теократія, и священная имперія, и византійское самодержавіе. Хотѣли религіозной цѣльности, жаждали нерасторжимости небеснаго и земного: пусть это стремленіе никогда не осуществлялось, но

идеалъ былъ таковъ, такова была воля, таково было міроощущеніе. Не хотѣла средневѣковая Европа разъѣдающаго анализа и мертваго механизма, не хотѣла секуляризаціи ни въ чемъ: ни въ правѣ, ни въ хозяйствѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ. Въ новой Европѣ, напротивъ, восторжествовалъ анализъ и секуляризація: религіозное чувство жизни, воспріятіе ея глубины и многомѣрности, было нейтрализовано и, такъ сказать, инкапсулировано. Оно получило для себя свою особенную область въ видѣ церковнаго союза, отъ котораго обособилось государство, осознавшее себя какъ организацію абстрактнаго, объективнаго права, да и самъ человѣкъ началъ себя чувствовать прежде всего какъ гражданинъ. Правовое государство, вначалѣ бывшее лишь порожденіемъ теоретической мысли, стало жить самостоятельною жизнью, а вопросы общественности осознаваться, въ первую очередь, какъ вопросы правосознанія и правообразованія, превращаться въ задачи правового творчества. Право же по существу своему имѣетъ дѣло лишь съ интересами, ихъ размежеваніемъ и урегулированіемъ, и потому разсматриваетъ отдѣльныя личности только въ качествѣ представителей такихъ интересовъ. Появилась мысль и убѣжденіе, что интересы вообще могутъ быть не только размежеваны, но и приведены въ извѣстное равновѣсіе, гармонизованы правовымъ регулированіемъ, а поэтому правовое государство именно и призвано путемъ права создать нормальное общество, водворить царствіе Божіе на землѣ. Отсюда естественное стремленіе распространять область права вширь и вглубь, придавъ ему не только условный и провизорный характеръ, но возведя его въ идеальную норму и основу обществен-

ности. На этой почвѣ вполнѣ логически зарождается идея дальнѣйшаго расширенія права въ соціалистическомъ государствѣ, которое ставитъ себѣ задачей расширеніе области правового регулированія до небывалыхъ размѣровъ и хочетъ осуществлять правовую волю тамъ, гдѣ доселѣ царила неправовая сила, частная воля. Расширеніе права совершается и въ другую сторону, именно крѣпнетъ идея международнаго права, которое обѣщаетъ водворить вѣчный миръ между людьми, превративъ цѣлыя государства и цѣлыя народности въ правопослушныхъ субъектовъ. Обезпеченіе вѣчнаго мира внутри и внѣ, идеалъ pax Romana, понимается здѣсь какъ предѣльная задача правового государства. Такъ этотъ вопросъ былъ уже поставленъ юридическимъ, по характеру своему, умомъ Канта, который связывалъ обезпеченіе вѣчнаго мира съ торжествомъ демократической конституціи: что сказалъ бы кенигсбержецъ предъ лицомъ теперешней войны, въ которой объединились, кажется, всѣ существующія формы конституцій!

Въ параллель этому юридизму въ общественномъ самосознаніи новой Европы слѣдуетъ поставить и его экономизмъ. Особенность современнаго экономизма не въ томъ, конечно, чтобы хозяйственные вопросы теперь только впервые получили свое значеніе, но въ томъ, что хозяйственное самосознаніе никогда еще такъ не обособлялось и не получало такой автономіи, какъ теперь. Хозяйственная дѣятельность людей принципіально всегда признавала надъ собой высшій судъ и повѣряла себя по высшему критерію, каковымъ являлся религіозный и нравственный законъ; въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, и хозяйство сознавало себя частью теократическаго цѣлаго. Новая Европа осво-

бодила хозяйственную стихію, одновременно съ общей секуляризаціей произошла и хозяйственная: съ полной откровенностью и нравственной безмятежностью выступаетъ теперь «экономическій человѣкъ», съ его наивнымъ и зоологическимъ эгоизмомъ. Если въ правѣ человѣкъ разсматривается какъ представитель юридическихъ интересовъ, то въ хозяйствѣ онъ же опредѣляется какъ субъектъ интереса хозяйственнаго. Такъ называемый экономическій матеріализмъ, объявляющій универсальнымъ принципомъ жизни борьбу экономическихъ интересовъ и хозяйству подчиняющій все, чему прежде, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, само оно подчинялось, есть не только популярная философія нашего времени, но и выражаетъ его жизненное самочувствіе. Эта аморальная мораль борьбы интересовъ получаетъ различное направленіе, заостряется въ разныя стороны: въ однихъ случаяхъ она становится опорой безчеловѣчной эксплуатаціи труда, тираніи капитала и взаимнаго поѣданія, именуемаго свободной конкуренціей; послѣдняя ведется притомъ не только между отдѣльными предпринимателями, но и цѣлыми народами,—вѣдь и теперешнюю войну, отчасти, можно разсматривать, какъ проявленіе этой свободной конкуренціи, прежде всего между Германіей и Англіей. Въ другихъ случаяхъ эта же самая мораль экономизма и борьбы интересовъ получаетъ соціалистическій обликъ и оправдываетъ междоусобную борьбу между классами; и подобно тому какъ правовое государство надѣется, до конца размежевавъ интересы, тѣмъ самымъ ихъ и примирить, такъ и соціализмъ чаетъ на пути классовой борьбы побѣдить всякую борьбу экономическихъ интересовъ и установить гармонію хозяйственныхъ

эгоизмовъ. Соціализмъ, при всей кажущейся революціонности своей, остается глубоко вѣрнымъ внушеніямъ amor loci и въ этомъ существенно консервативнымъ, а потому и эволюціоннымъ, какъ и все мѣщанское самочувствіе. Толчки революціи суть для него лишь моменты въ эволюціи, ея узловыя точки, но онъ вполнѣ раздѣляетъ вѣру въ незыблемость эволюціоннаго пути, въ отсутствіе катастрофъ, неожиданностей; въ будущемъ и онъ не ждетъ ничего *принципіально новаго,* такого, чего бы не содержалось уже въ настоящемъ. Паѳосомъ непрерывности и закономѣрности въ наибольшей мѣрѣ проникнутъ соціализмъ, мнящій себя революціоннымъ (напр., марксизмъ и даже революціонный синдикализмъ): всѣ они основаны на учетѣ настоящаго въ будущемъ и, собственно говоря, не вѣрятъ, что реально есть какое-то будущее съ его новизной. Итакъ: феноменализмъ, юридизмъ, экономизмъ и, какъ ихъ общая основа, торжество методизма и разсудочности, раціонализмъ мысли и жизни, — такова музыка времени. На части распластана человѣческая жизнь, разъяты ея члены: она сдѣлалась внѣшне богата, пестра, многообразна, но внутренне обѣднѣла, изсохла и какъ-то спалась.

Излишне говорить, какъ неблагопріятна для религіозной жизни эта атмосфера, какъ бѣдна религіозно должна оказаться такая эпоха съ ея неорганичностью, панметодизмомъ, расчетливостью, всѣмъ этимъ богатствомъ скудости. Конечно, человѣческій духъ и въ плоскостныя эпохи своей исторіи сохраняетъ свою богоданную глубину и порою слышитъ голоса, изъ нея доносящіеся. Духъ тоскуетъ и задыхается въ тискахъ желѣзнаго вѣка и порою глухо

протестуетъ противъ него. Эта неудовлетворенность получаетъ косвенное выраженіе въ повышенномъ эстетизмѣ нашихъ дней, въ несоразмѣрно большой роли искусства съ его мистическими прорывами и озареніями, и, хотя мѣщанскія эпохи не въ силахъ создать свой собственный стиль и породить большое искусство, пожалуй, кромѣ музыки, болѣе возбуждающей тоску по небу, чѣмъ ее утоляющей, зато развивается настоящая погоня за прекраснымъ, въ небывалой степени увеличивается способность пониманія чужого искусства. Напротивъ, значеніе религіи не находится въ соотвѣтствіи успѣхамъ эстетизма уже потому, что она лишена своей универсальной царственной роли во всѣхъ областяхъ жизни, но сведена къ положенію отдѣльной стороны духа, одного изъ проявленій «культуры». И эта всеобщая секуляризація и партикуляризмъ жизни и означаетъ духовное оскудѣніе и слабость, контрастирующее росту богатства и мощи. Не легко вынести соблазнъ богатства безъ нарушенія духовнаго равновѣсія. Обмѣщеніе, обмѣщаненіе есть опасность, угрожающая высокой цивилизованности, гиперкультурности.

Духовный силуэтъ, нами бѣгло набросанный, выражаетъ черты, конечно, не одной только новоевропейской эпохи; однако нужно сказать, что въ исторіи еще не было цивилизаціи, достигавшей такой мощи, какъ по внѣшнему, количественному масштабу, такъ и по силѣ духовнаго вліянія. Если мѣщанство потенціально всегда присутствуетъ въ человѣкѣ и духовно его подстерегаетъ, то положительная его энергія никогда еще не была такъ велика, какъ теперь, и поэтому новоевропейскую эпоху въ исторіи слѣдуетъ опредѣлить какъ мѣщанскую по преиму-

ществу: быть-можетъ, это не просто упадокъ, грѣхъ, заблужденіе, безсиліе грѣховной природы человѣка безнаказанно вынести бремя цивилизаціи, но и неизбѣжная духовная жертва, уплачиваемая человѣчествомъ ради достиженія еще невѣдомой исторической цѣли.

Въ эволюціонный кругозоръ мѣщанства не входитъ идея катастрофы, гибели, землетрясенія, напротивъ, всѣмъ существомъ своимъ оно ее отрицаетъ, забывая, что подъ тонкимъ слоемъ застывшей лавы скрывается пламя, и что человѣческая мощь ограничивается только поверхностью. Но вотъ нежданное, невѣроятное произошло. Совершается катастрофа, опрокидывающая сдѣланныя доселѣ выкладки и расчеты... Сразу устарѣли всѣ руководства исторіи, соціологіи, политической экономіи, соціальной политики, статистики. Начался всеобщій пожаръ комфорта и цивилизаціи. «Производительныя силы», темпъ развитія коихъ такъ увѣренно предрасчисляла экономическая наука, сгораютъ въ огнѣ великой войны. Объятъ пламенемъ міровой капитализмъ. Что же предъ лицомъ этого пожара можетъ сказать вѣра въ эволюцію, основанная на убѣжденіи въ прочности и несгораемости зданія, въ невозможности проваловъ и перерывовъ въ ходѣ развитія? Конечно, вполнѣ возможно причинно и эволюціонно объяснять и происходящее нынѣ, но вѣрно то, что теперешній поворотъ исторіи совершенно не предполагался эволюціонными схемами, является для нихъ катастрофическимъ сюрпризомъ. Самые смѣлые, считавшіе себя революціонерами, эволюціонисты мечтали лишь о захватѣ власти и перераспредѣленіи благъ, происходитъ же нѣчто гораздо болѣе потрясающее, чѣмъ

всѣ бывшія доселѣ революціи. Была Бельгія — fuit Belgica, «промышленная», соціалистическая, кооперативная, представлявшая собой гнѣздо мѣщанскаго уюта въ Европѣ; она давала основу для разныхъ заключеній о настоящемъ и будущемъ капиталистическихъ странъ, о «соціализмѣ въ дѣйствіи». И вотъ нынѣ та же Бельгія, но уже бездомная, скитающаяся, лишенная своего *мѣста*, въ прочность котораго вчера еще такъ крѣпко вѣрилось; не пощажены ея «производительныя силы», погублена промышленность, стали фабрики и кооперативы, и будущее превратилось для нея въ какую-то зіяющую дыру, темную загадку. Напряженнѣйшій amor loci внезапно смѣнился здѣсь изступленнымъ amor fati. И не есть ли эта неповинная и великодушная жертва войны лишь наиболѣе яркій символъ того, что происходитъ нынѣ со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ? Не совершается ли и съ нимъ, хотя въ малой степени, той же потери чувства мѣста, вѣры въ его прочность, незыблемость, составляющей духовную опору мѣщанства? И такое духовное освобожденіе, ибо это, несомнѣнно, есть освобожденіе, приноситъ съ собой міровая война. Своимъ нещаднымъ молотомъ богъ войны разрушаетъ кровли уютныхъ домиковъ, въ которыхъ устроилось человѣчество, и оставляетъ людей снова подъ кровомъ бездоннаго неба. Онъ совлекаетъ мѣщанина съ европейца, иногда прямо сдирая съ него кожу, и тогда предъ изумленнымъ міромъ предстаетъ средневѣковый рыцарь, который, оказывается, не умеръ, а только притаился въ европейскомъ бюргерѣ. Во всей Европѣ, какъ будто неожиданно для нея самой, проснулась старая доблесть, и здѣсь опять-таки живой эмблемой является Белгія,—

доблесть бельгійская. Европа еще духовно жива, мѣщанство оказалось болѣзнью, которая не затронула жизненныхъ органовъ, такова радостная, благая вѣсть этой войны. Тамъ, гдѣ видѣлось порою словно духовное кладбище, царство комфорта и цивилизаціи, невѣрія и расчета, нынѣ вспыхнуло пламя, испепеляющее многое изъ того, что достойно сожженія, и отдѣляющее шлаки отъ чистаго металла.

Чѣмъ же совершается это освобожденіе, какою силою вызвано это начало духовнаго воскресенія? Что оказалось сейчасъ для европейскаго человѣчества сильнѣе, нужнѣе, спасительнѣе его цивилизаціи, его науки, его техники? Пусть странно, а для многихъ дико прозвучитъ мое слово, но скажу его: это воскрешеніе приносится смертью, откровеніемъ смерти. Надъ міромъ стала смерть, о которой забыли или, вѣрнѣе, хотѣли забыть, и, какъ небесный благовѣстъ, какъ предвѣстіе грозной трубы архангела, зазвучала въ сердцахъ ея вѣсть. И се —

Открылись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы...

Смерть старательно изгонялась изъ мѣщанскаго обихода. Мѣщанство не любитъ картины похоронъ, и покойниковъ изъ первоклассныхъ отелей на разныхъ курортахъ обыкновенно уносятъ ночью и незамѣтно. У смерти стараются отнять ея торжественно-мистическій характеръ, не услыхать ея откровенія, заглушая его тихій шопотъ свѣтскими церемоніями, напыщенными рѣчами. Конечно, невозможно упразднить смерть, которая во всякомъ случаѣ вноситъ катастрофическій моментъ во всѣ эволюціонныя построенія, по крайней мѣрѣ, что касается личной жизни человѣка.

Но было стремленіе духовно отгородиться отъ смерти, по крайней мѣрѣ, возможнымъ устраненіемъ ея мистики и самой мысли о ней: одни проповѣдывали, а иногда и примѣняли, вслѣдъ за древними эпикурейцами, предусмотрительное самоубійство (какъ французскій соціалистъ Лафаргъ), другіе стремились научно нейтрализовать смерть (Мечниковъ), третьи въ паническомъ ужасѣ трепетали предъ неодолимой судьбой (Мопассанъ), но во всѣхъ этихъ случаяхъ смерть разсматривалась какъ непріятный біологическій эпизодъ, а не какъ грань, мѣсто встрѣчи двухъ міровъ, новое рожденіе. Церковь, напротивъ, учитъ насъ молиться о дарованіи «памяти смертной» и о «христіанской кончинѣ живота», она повелѣваетъ постоянно имѣть въ душѣ мысль о смертномъ часѣ, предъ лицомъ его провѣрять земныя цѣнности: вся жизнь въ извѣстномъ смыслѣ можетъ разсматриваться, какъ приготовленіе къ этому часу. Внимать откровенію смерти вообще учитъ всякая серьезная религія, которая тѣмъ самымъ неизбѣжно является отрицаніемъ мѣщанства, неограниченной привязанности къ мѣсту, къ этому міру. Смерть есть торжественный и радостный апоѳеозъ праведной жизни, ея послѣдній и зрѣлый плодъ. Умирающій Сократъ, образъ котораго живописалъ Платонъ (въ Ѳедонѣ), чрезъ даль вѣковъ свѣтитъ намъ и понынѣ, какъ свѣтила и ученикамъ его эта праведная кончина, и, воистину, смерть Сократа явилась самой дѣйственной и жизненной его проповѣдью. «Въ память вѣчную будетъ праведникъ», поетъ Церковь. Смерть есть тихій свѣтъ истины, предъ которою блекнутъ всѣ ложныя цѣнности. Этотъ свѣтъ пытались закрыть или затемнить раз-

ными подложными цѣнностями, но пламя вѣчности снова вспыхнуло надъ міромъ. Война неимовѣрно приблизила къ сознанію смерть, сдѣлала ее реально ощутимой, а это означаетъ не что иное, какъ то, что мірочувствіе эволюціонно-мѣщанское должно уступить мѣсто религіозно-трагическому. Жизнь есть трагедія, великая очистительная жертва, — это религіозное сознаніе, которое пытался заглушить и притупить эволюціонизмъ своими надеждами на будущій миръ и всеобщее счастье, теперь неизбѣжно становится всеобщимъ. Не экономическое пониманіе исторіи, но мистическое пониманіе самой экономики; не утилитарные интересы, личные или классовые, но святыня и радость жертвы и тайна жертвы, — вотъ чему учитъ современная исторія, вотъ что вдругъ стало жизненной правдой для Европы и Бельгіи. Еще вчера были правы Марксъ и Бентамъ, а уже сегодня они отходятъ въ прошлое, — со всей своей притязательной трезвостью они оказываются фантастами; и мирный буржуа опять начинаетъ уступать мѣсто воинственнымъ рыцарямъ. Никто не знаетъ, насколько глубоко пройдетъ и всесторонне совершится это возрожденіе, но несомнѣнно, что своды духовной темницы уже разрушены, и надъ головами показалось синее небо. Происходитъ великій пожаръ мѣщанства, и не случайно, что пожаръ этотъ зажгла самая мѣщанская страна, ибо Германія въ семьѣ европейскихъ народовъ есть страна, духовно наиболѣе обмѣщанившаяся. Она обмѣщанила, обмірщила христіанскую религію, приспособивъ ее къ amor loci, выдѣливъ и подчеркнувъ въ ней преимущественно элементы земной, практической, бытоустрояющей морали; она развила въ себѣ основныя

мѣщанскія добродѣтели, — deutsche Tüchtigkeit, точность, методичность, трудоспособность, научность. Въ ней съ наибольшей силой воплотился amor loci, и потому германству по праву принадлежитъ мѣсто корифея въ новоевропейскомъ хорѣ. Германія справедливо сознала себя во главѣ новоевропеизма, она ощутила, какъ свою историческую миссію, огнемъ и мечемъ крестить народы во имя земного, европейскаго бога, per fas et nefas насаждать мѣщанскую «культуру». И въ этомъ лжемессіанизмѣ своемъ она впала въ безуміе гордости и временно потеряла даже свой человѣческій ликъ. Но этотъ мечъ обратился на нападающаго и, вмѣсто того, чтобы доставить окончательное торжество мѣщанской культурѣ, онъ вызвалъ ея кризисъ и явное банкротство. Какъ ветхая чешуя, спадаетъ съ лица Европы плѣсень мѣщанства, и оживаетъ былая рыцарская доблесть. И это сдѣлала война, которую уже теперь, въ сознаніи ея великой всемірно-исторической миссіи, народы зовутъ и священной, и освободительной.

Да, война есть величайшее бѣдствіе. Она родитъ звѣрство, огрубѣніе нравовъ, будитъ въ людяхъ низкіе инстинкты, толкаетъ къ окончательной гибели погибающее. Да, такъ. Мы пережили Лувенъ, Калишъ, Реймсъ, переживаемъ повседневно насилія и преступленія, становимся свидѣтелями глубокихъ паденій, но не нужно забывать, что все это не создается, а лишь выявляется войной, вскрываясь изъ-подъ лицемѣрной личины мѣщанской прилизанности и вѣжливости, а всякая болѣзнь для излѣченія своего нуждается въ выявленіи. Но не это одно выявлено войной, а и другое, безконечно цѣнное: изъ-подъ духовной копоти промышленности вы-

явлена рыцарская Бельгія; поднимаетъ снова къ небу свои очи Франція; крѣпнетъ стальной духъ Англіи, и, быть-можетъ, приближается тотъ грозный часъ, когда прозрѣютъ, наконецъ, и омраченныя очи тевтоновъ. Пусть будетъ страшенъ для нихъ этотъ часъ, но онъ можетъ стать для нихъ единственно спасительнымъ, ибо лишь въ огнѣ можетъ возродиться то, что духовно живо еще въ германскомъ геніи. Другую возможность, что нѣмцы окончательно закоснѣютъ въ своемъ ожесточеніи и замрутъ духовно, пока мы лучше не будемъ предусматривать.

Церковь учитъ насъ молиться объ избавленіи отъ бѣдъ: отъ болѣзни, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменниковъ. Людямъ бываютъ спасительны удары и испытанія, но мы не можемъ, не смѣемъ ихъ накликать—ни на себя, ни на другихъ, ибо это значило бы переходить границу дозволеннаго для человѣка, приписывать себѣ разумъ Провидѣнія. Мы лишь должны готовить себя къ мужественному и достойному несенію свыше посылаемаго креста. И *до* войны священною обязанностью всѣхъ было охранять миръ. Но когда событія влекутся уже нечеловѣческой силой и въ громовыхъ раскатахъ явственно слышится голосъ Судіи: *Мнѣ отмщеніе, Азъ воздамъ*; когда Европа обрѣтаетъ трагическую судьбу свою, и свершается очистительная жертва,—намъ слѣдуетъ собрать всѣ свои силы, чтобы стать достойными современниками своей исторіи, а не малосмысленными и лишь испуганными зрителями. И не должны ли мы, не колеблясь, признать, что настоящая война, этотъ бичъ Божій, ведетъ за собой не только разгромъ, но и духовное пробужденіе?..

II.

Ложь крайняго славянофильства, которая кладетъ на него печать чего-то мѣстнаго, ограниченнаго и провинціальнаго, заключается не въ стремленіи понять Россію и Западъ въ ихъ различіи, но въ ихъ чрезмѣрномъ противоположеніи и даже разъединеніи, между тѣмъ какъ они суть неразъединимыя части христіанской Европы, имѣющей нѣкую общую и непонятную внѣ этого единства духовную судьбу. Въ искушеніи такого отъединенія и заключался славянофильскій соблазнъ старой и новой Руси, который объяснимъ или изъ инстинкта самосохраненія, какъ выраженіе испуга предъ европейской опасностью, или же какъ историческое и національное маловѣріе, а вмѣстѣ и высокомѣріе. Въ настоящее время не приходится много ратовать противъ допетровскаго соблазна, которому были чужды и вожди славянофильства (Кирѣевскіе и др.), ибо съ нимъ уже порѣшено исторіей. Сейчасъ гораздо важнѣе подчеркивать положительный смыслъ славянофильскихъ утвержденій, именно, вѣру въ то, что Россія призвана къ духовной самобытности, и есть существенная и необходимая часть *духовнаго организма* Европы, а не простая ея провинція, или только количественное расширеніе. Безъ Россіи и

сама Европа не можетъ стать настоящей Европой, достигнуть своего предназначенія, приблизиться къ окончательной зрѣлости, соотвѣтствующей концу міровой исторіи, ибо для всякаго должно быть ясно, что судьбы Россіи имѣютъ существенное значеніе и для судебъ Европы, а чрезъ нее и всего міра. Поэтому-то въ отношеніи къ Европѣ, изъ начала нашей исторіи, намъ приходится одновременно испытывать эросъ и антиэросъ, притяженіе и отталкиваніе, — все, что̀ угодно, только не равнодушіе или холодную чуждость. Что же касается западнаго міра, то приходится сказать, что до сихъ поръ со стороны Европы въ отношеніяхъ къ Россіи не было, да и не могло быть надлежащей сознательности (о чемъ сѣтовалъ еще Достоевскій): въ нихъ было немало высокомѣрія учителей къ ученикамъ, цивилизованности къ «варварству», и, быть-можетъ, только теперь, предъ лицомъ великихъ событій, Европа впервые начинаетъ признавать Россію и познавать ея духовную сущность. Но все равно: окончательное признаніе и духовная взаимность востока и запада есть только вопросъ времени, и для насъ, русскихъ, горизонты исторіи здѣсь видны шире и дальше, нежели для нашихъ европейскихъ собратьевъ. Однако это единеніе возможно только на основѣ признанія глубочайшаго *духовнаго различія* между Россіей и западной Европой, прежде всего, какъ различія между православіемъ и иными формами христіанства. Въ углубленномъ сознаніи этихъ различій, въ этомъ обособленіи Россіи отъ Европы, имѣющемъ конечной задачей достойное ихъ единеніе, и заключается та великая правда, о которой возвѣщалъ намъ Достоевскій, и состоитъ поистинѣ безсмертная

заслуга славянофильства передъ родиной и всѣмъ міромъ. Европа, давно уже ставъ для насъ школой, всячески соблазняла насъ духовно, и съ опасностью этого соблазна, грозившаго намъ обезличеніемъ, а, слѣдовательно, и духовной смертью, именно и боролись славянофилы. Однако, даже когда и соблазнялась новоевропеизмомъ русская душа, она воспринимала его по-своему, переводила на свой языкъ. Мѣщанская осѣдлость, amor loci европейской цивилизованности, сталкивалась въ ней съ инымъ міročувствіемъ. Несмотря на историческое тысячелѣтіе за плечами, мы еще очень молоды, иной скажетъ, даже непростительно молоды, способны мальчишествовать, — такъ судятъ насъ наши нѣмецкіе дядьки. И доселѣ въ русской душѣ живетъ стихія степного кочевника, ей слышатся зовы безмѣрности и необъятной шири, ею чувствуется дышащая грудь матери-земли, давно прикрытая на западѣ асфальтомъ и камнемъ. Эта воля и ширь напѣли его душѣ свои пѣсни и сказки, свою мечтательную тоску по невѣдомомъ витязѣ, златокудромъ Царевичѣ, который нѣкогда добудетъ завѣтную Жаръ-Птицу и освободитъ прекрасную Царь-Дѣвицу подвигомъ любви своей. Все здѣшнее, мѣстное, косное существуетъ только предварительно, только такъ, до времени и между прочимъ, въ душѣ же живетъ и ширится одна мечта — о Будущемъ. И этой кочевнической стихіи, этому мистически-сказочному самочувствію, которое родилось въ душѣ не изъ науки съ ея раціонализмомъ, но изъ миѳа и пѣсни, отвѣчаетъ простодушная и дѣтски-сердечная вѣра, народное русское православіе, которое, въ свою очередь, научало народъ нашъ воспринимать все земное, какъ

преходящій ликъ этого міра, научало вчерашнихъ кочевниковъ религіозно чувствовать себя странниками и пришельцами, взыскующими иного, нездѣшняго града. Придетъ день, учитъ насъ вѣра наша, и погибнутъ небеса съ шумомъ, и небо совьется, какъ свитокъ, и стихіи сгорятъ, и явится на небѣ знаменіе Сына Человѣческаго. Исторія есть лишь предвареніе Апокалипсиса, да и начался уже и самый Апокалипсисъ. Иные вѣруютъ еще при этомъ, что раньше мірового конца произойдетъ, въ предѣлахъ исторіи, нѣкое частичное преображеніе,—однако, тоже не эволюціонно, а катастрофически, — сверкнетъ и озаритъ своимъ свѣтомъ. Всѣ мы, вѣрующіе и невѣрующіе, ученые и неученые, даже когда и утрачиваемъ эту вѣру въ своемъ сознаніи и служимъ богамъ инымъ, какъ наша интеллигенція, все же носимъ въ своей душѣ эту апокалиптическую стихію, всѣ мы немножко не вѣримъ подлинности существующаго и его окончательности, втихомолку подсмѣиваемся надъ умѣреннымъ и аккуратнымъ нѣмцемъ, безъ колебаній въ него повѣрившимъ, а про себя думаемъ, «что все, видимое нами,—только отблескъ, только тѣни отъ незримаго очами». И это невѣріе міру страннымъ образомъ объединяетъ и русскаго революціонера, и русскаго монаха, и раскольника, сожигавшаго себя въ срубѣ, и Мишеля Бакунина съ его вѣрой въ разрушеніе, какъ созиданіе. Поэтому-то, вообще говоря, русскій народъ такъ трудно цивилизуется въ европейскомъ смыслѣ слова, при всей высокой духовной культурности и одаренности своей, ибо добродѣтели, вытекающія изъ amor loci,—добродѣтели мѣщанства, туго прививаются къ его духовной природѣ. Этому же содѣйствовала и тяжелая,

страшная исторія наша, суровая природа и бѣдность наша, вся та внѣшняя убогость нашей жизни, которую раньше всего другого видитъ и презираетъ «гордый взоръ иноплеменный». Такова духовная почва, на которой произошло въ русской душѣ столкновеніе тѣхъ началъ, которыя обычно называются западничествомъ и славянофильствомъ. Чѣмъ же явилось въ дѣйствительности это русское западничество и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ реальному европеизму?

Женственная душа Россіи при самомъ историческомъ рожденіи своемъ обручена была въ христіанскомъ крещеніи, съ котораго и начинается русская исторія. Такимъ образомъ, уже въ началѣ своего странствія въ пустынѣ она пріяла нерукотворенную скинію и священный ковчегъ, который хранить любовно въ сердцѣ своемъ, она была призвана. Этотъ ковчегъ и скинія есть восточное Православіе, принятое св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, духовнымъ зачинателемъ святой Руси. Въ этомъ ковчегѣ заключено было не только вселенское христіанство въ его неповрежденности и чистотѣ, но и все духовное наслѣдіе эллинскаго генія, которое является безусловной основой европейской культуры, какъ нѣкій первозданный Эдемъ, сверкнувшій своей божественной наготой на этой грѣшной землѣ. Въ восточномъ, византійскомъ, православіи in nuce заключено все эллинство въ его неумирающихъ цѣнностяхъ: въ его богословіи, мистикѣ, литургикѣ, иконографіи, архитектурѣ. Здѣсь претворено то, что было религіозно подлиннаго въ эллинской религіи и мистикѣ, трагедіи и пластикѣ: Дельфы и Элевзинъ, орфика и пиѳагорейство, Деметра и Діонисъ,

архитектура и эллинское ваяніе, художественно доказавшее и показавшее божественность человѣка; сюда вошло все, что было великаго въ величайшемъ умозрѣніи эллиновъ, ибо Платонъ и Плотинъ, Пиѳагоръ и Парменидъ, Анаксагоръ и Аристотель интегрально восприняты и живутъ въ христіанскомъ богословіи. И идя спереди назадъ, можно наслѣдить и ощутить эту связь. Вообще эллинство есть какъ бы нѣкоторое натуральное православіе, какъ и православіе содержитъ въ себѣ стихію облагодатствованнаго эллинства. Вотъ что получила Русь отъ Византіи, какъ духовное приданое, чрезъ апостольское дѣло св. Владиміра. Но мы нечестиво не знаемъ и не понимаемъ до сихъ поръ этого богатства. Мы не развернули его для себя, не вступили во владѣніе имъ, не умѣемъ видѣть своихъ сокровищъ и творчески ихъ опознать. Мы не осознали еще своихъ собственныхъ темъ и мотивовъ для творчества и начинаемъ ихъ воспринимать лишь въ западной обработкѣ. Поэтому, по культурному своему наслѣдію мы богаче запада, который наслѣдовалъ эллинство косвеннымъ путемъ чрезъ римскую церковь, а позднѣе уже въ языческой реставраціи гуманизма. Но доселѣ мы не оказались на высотѣ своего культурнаго призванія, — быть творческими продолжателями эллинства. Русская душа до сихъ поръ по преимуществу лелѣяла духовную, сверхкультурную сущность своего христіанства, сверхземную, но не земную его стихію. Поэтому Святая Русь получила отпечатокъ чего-то надземнаго, нездѣшняго, съ напряженной устремленностью вдаль и ввысь, но безъ достаточнаго amor loci, нужнаго для земного, культурнаго дѣланія. И сверхземноаскетическое воспріятіе право-

славія, и кочевническая стихія, свойственная нашей исторической юности, одинаково не содѣйствовали выработкѣ добродѣтелей мѣщанства: хотя мы, правда, не усвоили его пороковъ, но мы не отдавали должнаго и его правдѣ, какъ долгу историческаго послушанія, работѣ въ потѣ лица на виноградникѣ своемъ. Нельзя безнаказанно уклониться отъ извѣстныхъ жизненныхъ задачъ, даже если онѣ кажутся прозаичны и ограниченны, ибо своевременно не вспаханное поле не остается пустымъ, но само собой покрывается чертополохомъ съ сорными и вредными травами. Въ нашей же исторіи и безъ того было довольно этого чертополоха: достаточно вспомнить долгія междоусобицы удѣльнаго періода, нашествія половцевъ и печенѣговъ, татарское иго, собираніе Руси и непрерывныя почти войны на сѣверѣ и югѣ, востокѣ и западѣ, наконецъ, многочисленныя язвы нашей теперешней общественности. Неудивительно, что, когда кочевническій періодъ внѣшней и внутренней исторіи нашей закончился, мы почувствовали тогда свою неприспособленность, свое «варварство», которымъ и доселѣ клеймитъ насъ нашъ кичливый врагъ, являющійся культуртрегеромъ мѣщанства. И внѣшняя и внутренняя нужда настоятельно говорили намъ о необходимости цивилизаціи, т.-е. той, хотя и ограниченной, правды мѣщанства, непризнаніе которой жестоко мститъ за себя. И предъ нами уже стояла готовая школа цивилизаціи, откуда можно было учиться этой наукѣ мѣщанства, — западная Европа. Конечно, я не хочу этимъ сказать, чтобы историческое дѣло Европы сводилось безъ остатка къ мѣщанской цивилизаціи и было лишено творческой культуры: совсѣмъ нѣтъ, и даже наобо-

ротъ. Европа свое, въ сущности, менѣе богатое наслѣдіе въ силу и болѣе благопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ, и творческой энергіи своей сумѣла воплотить въ созданіи великихъ національныхъ культуръ, которыя, какъ все творческое, имѣютъ отпечатокъ конкретнаго, индивидуальнаго, національнаго, а потому и общечеловѣческаго.

Россія, хотя и имѣла богатѣйшіе задатки духовной культуры, но, будучи слабо цивилизована, ощущала необходимость цивилизаціи, и это сознаніе выразилось въ Петрѣ Великомъ, этомъ духовномъ отцѣ русскаго западничества. И въ этой жаждѣ была правда западничества. Западъ былъ необходимъ намъ на земномъ, эмпирическомъ планѣ, прежде всего, какъ школа техники, недостатокъ которой парализовалъ наше духовное творчество. Западъ нуженъ былъ намъ и какъ сокровищница духовной культуры, подлинныхъ творческихъ цѣнностей, ибо это знаніе должно было сдѣлать насъ духовно богаче, свободнѣе, шире, человѣчнѣе, одареннѣе для собственнаго творческаго самоопредѣленія. Но, конечно, ни западная цивилизація, ни западная культура не призваны угасить нашъ собственный духъ, задавить нашъ собственный творческій порывъ, ослабить въ насъ духовное самосознаніе, вынудить насъ къ отреченію отъ духовнаго дара, полученнаго нами при крещеніи. Будучи учениками, отправляясь въ школу, мы обязаны смотрѣть на это лишь какъ на выучку и никоимъ образомъ не должны допускать себя до утраты духовной индивидуальности, до внутренняго онѣмеченія, столь нынѣ распространеннаго, и до величайшаго, смертнаго грѣха — духовной измѣны своей родинѣ. Въ русскомъ «западничествѣ», силою

вещей, благодаря трудности нашего историческаго положенія, именно значительному старшинству Европы, появлялись иногда черты этой духовной экспатріаціи, и это со всей остротой и болью почувствовано было въ славянофильствѣ и вызывало въ немъ реакцію, которая, можетъ-быть, и заходила иногда далѣе, чѣмъ слѣдуетъ. Если западничество въ своемъ европеизмѣ плохо различало истинную культуру и внѣшнюю цивилизованность, духовныя цѣнности и техническіе навыки, то такое же смѣшеніе, лишь въ противоположномъ направленіи, повторялось и въ славянофильствѣ, которое правую защиту народнаго духа и ввѣренныхъ ему сокровищъ эллино-русскаго православія соединяло съ нѣкоторымъ, хотя и невиннымъ провинціализмомъ.

На почвѣ вышеописаннаго въ русской душѣ возникъ какъ бы романъ съ западомъ, о которомъ даже и не подозрѣваютъ европейцы. Наше западничество, конечно, всегда отличалось отъ подлиннаго самоощущенія запада, отъ западности, оно было свободнымъ переложеніемъ на музыку русской души нѣкоторыхъ мелодій западной жизни, однако безъ самаго существеннаго и характернаго для нея, безъ западнаго мірочувствія. Правда, мы воспринимали и воспринимаемъ различныя западныя ученія, преимущественно радикальныхъ оттѣнковъ; начиная съ XVIII вѣка мы перебывали на выучкѣ у многихъ учителей: у Руссо и Вольтера, Ад. Смита и Бентама, Фурье и Л. Блана, Лассаля и Маркса, Канта и Гегеля, Конта и Спенсера, Когена и Гуссерля и т. д., и за послѣднее время особенно крѣпко запутались въ сѣтяхъ нѣмецкаго «школьнаго учителя». Но дѣло въ томъ, что всѣ эти «измы» воспринимались у насъ

совсѣмъ иначе, чѣмъ въ мѣстахъ ихъ возникновенія, ибо тамъ они зарождались на иномъ историческомъ и психологическомъ фонѣ, или—какъ нѣкоторая реакція торжествующему мѣщанству, или же нерѣдко, какъ варіантъ того же самаго самочувствія. У насъ же они окрашивались совсѣмъ противоположнымъ самоощущеніемъ, кочевническимъ стремленіемъ къ отрыву отъ мѣста, чувствомъ бездомности — въ своемъ собственномъ домѣ, стремленіемъ къ будущему — безъ реальнаго настоящаго, и это придавало русской мысли распаленный и въ своей отвлеченности радикальный характеръ. Несходство русскаго перевода съ оригиналомъ было тонко отмѣчено Достоевскимъ, который усмотрѣлъ русскія, славянофильскія даже черты въ нигилизмѣ Бѣлинскаго. Послѣдній воспринялъ изъ западной мысли самыя крайнія соціалистическія теоріи, цѣликомъ отрицавшія реальный историческій западъ, но именно этимъ-то отрицаніемъ, по мнѣнію Достоевскаго, онъ и оказывается въ рядахъ русскаго славянофильства. Еще въ большей степени можно было бы то же самое сказать про Бакунина и вообще про все лѣвое крыло нашей интеллигенціи. Психологически это есть отрицательное и безсознательное славянофильство, хотя и навыворотъ, скрывающееся, однако, подъ доктринальнымъ западничествомъ. Поэтому подъ мнимореалистическимъ обличіемъ здѣсь пылаетъ та же страстная, воспаленная вѣра въ эмпирически не существующій, но умопостигаемый градъ, своего рода невидимый градъ Китежъ, хотя и подъ другимъ наименованіемъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительный западъ, какъ бы онъ ни былъ хорошъ, не могъ бы оправдать *такой* вѣры и удо-

влетворить *такія* надежды; на почвѣ же этой недолжной вѣры, сотворившей себѣ, вмѣсто Бога, кумиръ, возникало и бурное разочарованіе, и страстное его осужденіе. Западъ становится для такого вѣрующаго западника нѣкоторымъ абсолютнымъ фактомъ высшей дѣйствительности, нѣкоей Меккой, землей обѣтованной. Разумѣется, по мѣрѣ того, какъ Россія цивилизуется и сама въ этомъ смыслѣ западнѣетъ, такое отношеніе къ западу ослабѣваетъ и смѣняется болѣе трезвымъ и дѣловымъ, а потому и болѣе справедливымъ.

Однако и до сихъ поръ въ общественномъ самосознаніи нашемъ черты этого дѣлового и буржуазнаго западничества борются съ западничествомъ религіознымъ, съ вѣрой въ обѣтованную землю. И, конечно, вѣра эта представляетъ собой ошибку религіознаго сужденія и извращеніе религіознаго сознанія, губительный религіозный подмѣнъ и искусительную иллюзію, которая имѣетъ источникомъ отрывъ отъ духовной почвы, измѣну русской святынѣ, ея ковчегу и скиніи. Въ исторіи русской души мы имѣемъ яркіе и выразительные примѣры тѣхъ своеобразныхъ и исключительныхъ переживаній, которыя совершенно невозможны для европейцевъ и едва ли даже имъ понятны. Классическій примѣръ такого крушенія религіознаго западничества мы имѣемъ въ душевной драмѣ Герцена, повѣствованіями и воплями объ этомъ полны сочиненія этого великаго писателя съ глубоко русской душой, этого геніальнаго ясновидца и обличителя европейскаго мѣщанства. «Душевная драма Герцена»[1]) болѣе или ме-

1) Ср. нашъ очеркъ подъ этимъ заглавіемъ (въ сборникѣ «Отъ марксизма къ идеализму» и въ отдѣльномъ изданіи. Кіевъ. 1905).

нѣе общеизвѣстна. Герценъ вырвался за границу даже не какъ въ «страну святыхъ чудесъ», но прямо какъ въ Эдемъ. Конечно, когда онъ увидалъ его дѣйствительный ликъ, на которомъ такъ глубоко отпечатлѣлся amor loci, самочувствіе мѣщанства, онъ испыталъ глубочайшее, трагическое разочарованіе, и впослѣдствіи онъ никогда уже не могъ простить западу его мѣщанства и примириться съ нимъ. Вѣрнѣе, онъ не могъ простить самому себѣ своей наивной вѣры. Въ предзакатной своей элегіи «Начала и концы» Герценъ изливаетъ свое отчаяніе и невѣріе въ европейскій міръ, «идущій въ мѣщанство», причемъ «авангардъ его уже пришелъ. Мѣщанство— идеалъ, къ которому стремится, подымается Европа со всѣхъ точекъ дна»... «Міръ этотъ не боекъ на словахъ и не рѣчистъ, несмотря на то, что онъ создалъ великій рычагъ, стоящій рядомъ съ паромъ и электричествомъ, рычагъ афиши, объявленій, рекламъ... Да, любезный другъ, пора прійти къ покойному и смиренному сознанію, что мѣщанство окончательная форма западной цивилизаціи, ея совершеннолѣтіе; имъ замыкается длинный рядъ его сновидѣній, оканчивается эпопея роста, романъ юности — все, вносившее столько поэзіи и бѣдъ въ жизнь народовъ. Послѣ всѣхъ мечтаній и стремленій оно предоставляетъ людямъ скромный покой, менѣе тревожную жизнь и посильное довольство, не запертое ни для кого, хотя и недостаточное для большинства. Народы западные выработали тяжкимъ трудомъ свои зимнія квартиры... Западный міръ сталъ отстаиваться, уравновѣшиваться: все, что ему мѣшало, утягивалось мало-по-малу въ тяжелѣвшія волны, какъ насѣкомыя, захваченныя смолой янтаря... Личности

стирались, родовой типизмъ сглаживалъ все рѣзко индивидуальное, безпокойное, эксцентрическое. Люди какъ товаръ становились чѣмъ-то гуртовымъ, оптовымъ, дюжиннымъ, дешевле, плоше врозь, но многочисленнѣе и сильнѣе въ массѣ»...[1]) Исторія Герцена типична, ибо его драму переживаютъ многіе русскіе въ соотвѣтственный духовный возрастъ, — я могъ бы сослаться здѣсь и на свидѣтельство собственнаго опыта: въ пору тяжелаго, герценовскаго раздумья и разочарованія, впервые пришлось мнѣ въ столицѣ Германіи узнать запретнаго тогда Герцена, и его гнѣвныя, горькія и разочарованныя строки читались мной, какъ признанія и вопли собственнаго сердца, его боли и жалобы. Герценъ и всѣ мы, герценствующіе, конечно, несправедливы къ западу, потому что винимъ его въ томъ, въ чемъ должны бы винить себя самихъ. Отвернувшись отъ Божьяго храма, мы стали въ своихъ мечтахъ превращать въ этотъ храмъ западную Европу, и обидѣлись, когда увидѣли въ ней и благоустроенное торжище, раціонально поставленную фабрику, образцовую биржу, отличный университетъ. Однако, кромѣ ошибки религіознаго сужденія, здѣсь сказывается и правая непримиримость къ чрезмѣрности мѣщанства, которая удивительно сильна въ русской душѣ и объединяетъ русскихъ людей разныхъ характеровъ и вѣръ, — Бакунина и Толстого, Герцена и Достоевскаго. Особаго упоминанія заслуживаетъ здѣсь нашъ доселѣ непонятый и неоцѣненный писатель, съ умомъ глубокимъ и печальнымъ, тревожнымъ и разочаован-

[1]) Сочиненія А. И. Герцена, т. X, Женева. 1879. Стр. 259 сл.

нымъ, трагическимъ и трезвымъ. Я разумѣю, конечно, К. Леонтьева. Онъ никогда не имѣлъ по отношенію къ западу положительнаго, герценовскаго эроса, но онъ обнаруживаетъ къ нему такой страстный анти-эросъ, такую бурную ненависть и презрѣніе, что эта страсть дѣлаетъ его по-своему тоже ясновидящимъ. Черезъ гротескъ и иногда даже буффонаду звучитъ безмѣрная серьезность и проникновенность. И поразительно, что религіозный и политическій антиподъ демократа, атеиста и соціалиста Герцена, этотъ православный Ницше, который монашеской мантіей прикрылъ бурное сердце романтика-эстета, говоритъ о «среднемъ европейцѣ» то самое, что и Герценъ, и русскій ультраконсерваторъ ссылается на русскаго революціонера. К. Леонтьевъ такъ говоритъ о Герценѣ: «Герцену, какъ геніальному эстету 40-хъ годовъ, претилъ прежде всего самый образъ этой средней европейской фигуры въ цилиндрѣ и сюртучной парѣ, мелкодостойной, трудолюбивой, самодовольной, по-своему, пожалуй, и стоической, и во многихъ случаяхъ несомнѣнно честной, но и въ груди не носящей другого идеала, кромѣ претворенія всѣхъ и вся въ нѣчто себѣ подобное, и съ виду даже неслыханно прозаическаго, еще со временъ каменнаго періода. Герценъ былъ настолько смѣлъ и благороденъ, что этой своей артистократической брезгливости не скрывалъ. И за это ему честь и слава... Какъ скоро Герценъ увидѣлъ, что самъ рабочій французскій, котораго онъ сначала жалѣлъ и на котораго такъ надѣялся, ничего большаго не желаетъ, какъ стать поскорѣе самому мелкимъ буржуа, что въ душѣ этого рабочаго загадочнаго нѣтъ ужъ ровно ничего,

и что въ представленіяхъ нѣтъ ничего оригинальнаго и дѣйствительно новаго, такъ Герценъ остылъ къ рабочему и отвернулся отъ него, какъ и отъ всей Европы, и сталъ вѣрить послѣ этого больше въ Россію и ея оригинальное, не европейское и не буржуазное будущее». «Образъ будущаго мелко ученаго, поверхностно мыслящаго и трудового человѣчества былъ бы вовсе не прекрасенъ и не достоинъ! Да и то еще вопросъ: будетъ ли счастливо подобное человѣчество? Не будетъ ли оно нестерпимо тосковать и скучать! Нѣтъ, я вправѣ презирать такое блѣдное и недостойное человѣчество, безъ пороковъ, правда, но и безъ добродѣтелей, и не хочу ни шагу сдѣлать для подобнаго прогресса... И даже больше, если у меня нѣтъ власти, я буду страстно мечтать о поруганіи идеала всеобщаго равенства и всеобщаго безумнаго движенія; я буду разрушать такой порядокъ, если власть имѣю, ибо я слишкомъ люблю человѣчество, чтобы желать ему такую спокойную, быть-можетъ, но пошлую и унизительную будущность»[1]).

Всемірная война, помимо всѣхъ своихъ неисчислимыхъ послѣдствій, означаетъ новый и великій этапъ въ исторіи русскаго самосознанія, именно въ духовномъ освобожденіи русскаго духа отъ западническаго идолопоклонства, великое крушеніе кумировъ, новую и великую свободу. Общій смыслъ совершившагося уже въ этомъ отношеніи можно формулировать такъ: западничество религіозноутопическое и идолопоклонническое должно уступить свое мѣсто западничеству реально-историческому, а это значитъ, что должно совершиться духовное возвращеніе

1) *К. Леонтьевъ.* Собраніе сочиненій, т. VI, 28—9, т. VII, 469—70.

на родину, къ роднымъ святынямъ, къ русской скиніи и ковчегу завѣта.

Война эта, прежде всего, знаменуетъ великое освобожденіе отъ кошмара идолопоклонства. И, конечно, на первомъ мѣстѣ по значенію слѣдуетъ здѣсь поставить духовное банкротство Германіи, въ которой вся мощь ея цивилизаціи, — ея университеты, ученые, философы, ея соціалъ-демократія и промышленность, — не помѣшали безмѣрному варварству и отсутствію культуры духа, явленнымъ этой войной. И это военное сближеніе наше съ Европой, съ врагами и союзниками, само собой освобождаетъ насъ отъ этого дѣтскаго обожанія и заставляетъ перейти въ другой возрастъ. Какъ бы ни старались мы смягчить или подсластить горькую истину, но простая справедливость требуетъ признать, что война эта есть нѣкоторое банкротство всей новоевропейской цивилизаціи, ея обличеніе и судъ надъ новой исторіей. И тотъ, кто съ новоевропейской цивилизаціей связывалъ свои упованія и цѣнности, была ли то нѣмецкая философія, или нѣмецкій соціализмъ, или европейская наука и т. под., долженъ теперь испытывать не только величайшее потрясеніе, но и спасительный духовный кризисъ, какъ это съ особенной ясностью ощущалось въ началѣ войны, и это по существу нисколько не измѣнилось и теперь, даже если и притупилась эта боль. Нѣчто безповоротно провалилось и осуждено исторіей, и то, что вчера еще можно было исповѣдывать съ видимостью истины и съ полной искренностью поддерживать, теперь становится идейнымъ оппортунизмомъ, малодушіемъ, половинчатостью или исторической тупостью. «Варварская» Россія спасаетъ Европу отъ нея самой, и, ко-

нечно, не военнымъ только превосходствомъ, но побѣждающей духовной мощью русскаго воинства и всего русскаго народа, ибо вѣдь въ этой войнѣ войско есть народъ. Вновь исполняются завѣтныя видѣнія славянофиловъ, торжествуетъ правда ихъ вѣры въ душу народную и святыню народную, и ихъ невѣріе западническому кумиру. Вѣдь теперешняя война не есть случайность, она есть плодъ, давно созрѣвавшій на древѣ новоевропейской цивилизаціи [1]). Теперь, когда мы имѣемъ дѣло уже съ совершившимся фактомъ, становится ясно, что къ нему вела неумолимая логика исторіи, а не частная злая воля, и зачата была эта война не теперь, но уже на зарѣ новоевропеизма, какъ борьба за мощь, за богатство, за земли. Не къ миру и благополучію, не «къ наибольшему счастью наибольшаго числа людей», стягивала свои силы, ковала свои мечи Европа, но готовилась къ этой неслыханной катастрофѣ. Все, что угодно: всеобщая соціальная революція, земной рай, осуществленный силами науки, всеобщій правовой союзъ государствъ, — все, только не это безжалостное взаимоистребленіе по послѣднему слову науки, не «толстая Берта», «чемоданы» и дредноуты рисовались нашему западничеству въ распаленныхъ мечтахъ его, да и самимъ европейцамъ, чрезмѣрно повѣрившимъ въ силу своей цивилизаціи и переставшимъ замѣчать всю ея ограниченность и условность. Во что же остается вѣрить тому, кто вѣрилъ въ единоспасающую силу новоевропейской цивилизаціи? Экономика пылаетъ. Соціалистическія рати, на которыя опирались упованія многихъ, растаяли и перепла-

1) Ср. наши очерки: «Русскія думы» («Русская Мысль». 1914, XII) и «Поверженный кумиръ» («Утро Россіи», 1914, 30 августа).

вились въ легіоны, борющіеся на поляхъ сраженія уже не за государство будущаго, но за свою родину, и не отъ имени своего класса, но во имя отечества. Конечно, природный консерватизмъ мысли еще удерживаетъ иногда старую фразеологію и привычные, утрамбованные временемъ, ходы мысли еще долго послѣ того, какъ уже истлѣла или сгорѣла самая мысль. Конечно, возможно и теперь спасаться отъ непріятныхъ выводовъ бѣгствомъ въ будущее и сызнова повторять прежніе посулы, осмѣянные современностью, относя ихъ уже не къ завтрашнему, но послѣзавтрашнему дню. Нѣчто подобное и теперь происходитъ въ нашемъ обществѣ: одни спасаютъ такимъ образомъ свой европеизмъ, другіе свой соціализмъ. Но не ясно ли, что и соціализмъ, законное дѣтище мѣщанской цивилизаціи или новоевропеизма, возможенъ былъ въ прежнемъ видѣ только до испытаній войны, т.-е. въ отошедшую уже историческую эпоху. Нельзя повторять безъ критики и новаго оправданія ни одного изъ старыхъ упованій, все подлежитъ пересмотру, провѣркѣ, скепсису, обязателенъ всеобщій духовный ревизіонизмъ, и является повиннымъ въ реакціонности и косности мысли тотъ, кто пытается пробавляться прежними лозунгами тогда, когда всѣ они уже устарѣли. Необходима новая духовная оріентировка. Та плоскостная, мѣщанская оріентировка, которая опиралась на позитивное міропониманіе, на вѣру въ спасительность научности, во всесиліе правового государства и международнаго права, въ непрерывный ростъ производительныхъ силъ, должна быть замѣнена или, точнѣе, восполнена, осложнена оріентировкой глубинной, внутренней, религіозной.

Ибо, если застигаетъ буря въ открытомъ морѣ и измѣняютъ привычные инструменты, надо итти по звѣздамъ, и когда безмолвствуетъ привычный оракулъ времени, нужно вслушиваться въ голосъ вѣчности. Надо думать по-новому, ибо того лика мѣщанской Европы, предъ которымъ колѣнопреклоненно стояло наше западничество, уже нѣтъ, онъ испепелился въ огнѣ войны, и изъ-подъ него выступаетъ старое, а вмѣстѣ и новое, болѣе значительное лицо, которое имѣла Европа въ пору наибольшей полноты своихъ духовныхъ силъ, въ домѣщанскую эпоху: скажемъ прямо, выступаетъ духовный ликъ христіанской, средневѣковой Европы, который болѣе дорогъ, нуженъ и понятенъ не поверхностному самосознанію западничества, но религіозно углубленному самосознанію славянофильства. Европа духовно очнулась отъ полуобморочнаго сна своей мѣщанской цивилизаціи и медленно поднимаетъ къ небу съ мольбой свои очи, и это зрѣлище наполняетъ радостнымъ умиленіемъ именно тѣхъ, кто не мирился съ этимъ сномъ, видя въ немъ болѣзнь, упадокъ, оскудѣніе, кто враждовалъ съ мѣщанскимъ «западомъ» во имя духовной Европы, этой, воистину, страны святыхъ чудесъ. Такъ это ощутили бы, думается намъ, и Герценъ, и Леонтьевъ. Поэтому такъ странно двоится наше историческое воспріятіе: для западниковъ война эта есть крушеніе европеизма, катастрофа цивилизаціи, угашеніе свѣточей, для славянофиловъ же въ ней таится, быть-можетъ, начало духовнаго возрожденія Европы, освобожденіе изъ оковъ, обличеніе лжи. Роли перемѣнились: тѣ, кто отрицались западничества и ощущали себя славянофилами, теперь гораздо болѣе чувствуютъ себя европейцами отно-

сительно освобождающейся отъ бремени мѣщанства Европы, чѣмъ тѣ, кто считали себя западниками и нынѣ стоятъ недоумѣнно предъ фактомъ крушенія ихъ кумира. Къ чему лукавить: вѣдь кумиромъ-то этимъ въ послѣднее время была, а для наиболѣе вѣрныхъ и фанатичныхъ и понынѣ остается—Германія, и притомъ не Германія Гёте и Шиллера, Баха и Бетховена, но именно новѣйшая гипернаучная Германія, страна философскаго критицизма и всяческой научности, практичности и годности, эльдорадо соціалъ-демократіи и родина марксизма, страна дешевыхъ товаровъ и благоустроенныхъ магазиновъ, уютныхъ университетовъ и превосходныхъ библіотекъ, область систематическаго методизма и методическаго безвкусія. Она возвѣстила міру и въ наибольшей степени осуществила высшую форму философіи мѣщанства, — универсальный методизмъ: научность въ религіи, въ философіи, въ соціализмѣ, въ промышленности, въ войнѣ. Она превратила человѣка въ ретортнаго методическаго гомункула, и этимъ-то гомункулизмомъ обольстилась, зачаровалась наша кочевническая душа, и мы неумѣло, но старательно стали натягивать на себя школьную куртку съ чужого плеча, поочередно объявляя себя кантіанцами, марксистами, идеалистами, монистами, стали онѣмечиваться каждый на свой манеръ. Вовсе не такъ легко духовно извергнуть изъ себя нѣмецкую муштру и нѣмецкую «прелесть». И въ настоящее время, вмѣсто того, чтобы въ различныхъ и многообразныхъ манифестаціяхъ нѣмецкаго духа стараться постигнуть ихъ подпочвенное субстанціальное единство, то дерево, корни коего познаются по плодамъ, каждый старается

отдѣлить отъ него и сохранить для себя ту его вѣтвь, которая ему особенно любезна, противопоставляя ее всему остальному въ германствѣ. Такъ марксисты продолжаютъ удерживать свои нѣмецкія схемы, хотя специфически прусскій букетъ ученія о захватѣ власти арміей пролетаріата уже достаточно обнаружился теперь, когда армія нѣмецкаго пролетаріата, пока что, упражняется въ захватѣ власти надъ несчастною Бельгіей, или задержанными иностранцами и военноплѣнными. Однако тѣ, которымъ не подъ силу духовное освобожденіе, разсуждаютъ такъ, что нѣмцы это — одно, а сочиненный ими научный соціализмъ — другое. Совершенно подобное же происходитъ и съ приверженцами философскихъ издѣлій, порожденныхъ изъ нѣдръ нѣмецкаго духа. Вообще всѣ, кто не хочетъ брать вопроса по существу, въ какомъ-то отвлеченномъ «германизмѣ» нашли всеобщаго козла отпущенія, чтобы взвалить на него всѣ непріятные выводы происходящихъ событій, въ то же время удерживая духъ этого германизма. И получается своеобразная картина, что, ради стремленія сохранить старыя эволюціонныя позиціи, во имя гуманности и прогресса, впадаютъ уже въ чисто зоологическую вражду къ расѣ, вносятъ начало чисто этнографической розни. Противъ этого слѣдуетъ со всею энергіей указать, что германизмъ, какъ начало этническое или расовое, есть великая историческая сила, и отрицать геній германства было бы не только неблагородно и недостойно русскаго духа, но и просто неумно. И не значило ли бы это отрицать Баха, Бетховена, Дюрера, Шиллера, Гёте, Шеллинга, Вагнера и другихъ? Вопросъ о духовномъ кризисѣ новоевропейской цивилизаціи, въ которой первое и

самое печальное мѣсто принадлежитъ германству, отнюдь не можетъ быть разрѣшаемъ простой ссылкой на «германизмъ», какъ фактъ біологическій. Надо спрашивать себя, каковы же тѣ духовныя силы, которыя такъ извратили германскій геній? гдѣ тотъ ядъ, которымъ отравленъ германизмъ, а за нимъ и съ нимъ, хотя и въ слабѣйшей степени, и вся новая Европа? А если поставить эти непріятные и тревожные для лѣнивой мысли вопросы, то станетъ ясно, что «германизмъ» не есть только мѣстная нѣмецкая болѣзнь, въ немъ дано наиболѣе напряженное и сильное выраженіе духа новоевропеизма, конечно, обостренное и осложненное національными чертами германства. Поэтому самообманомъ и лицемѣріемъ звучатъ успокоительные голоса, увѣряющіе, что въ духовномъ мірѣ все остается на мѣстѣ, и провалился только германизмъ; что Европа отлично обойдется и безъ него, а потому не требуется всеобщей переоцѣнки цѣнностей, и можно западничать на старый манеръ, довольствуясь Европой м и н у с ъ Германія. Нѣтъ, міръ потрясенъ въ духовныхъ основахъ своихъ, ничто не осталось на мѣстѣ и ничто не уцѣлѣло отъ землетрясенія: hora novissima, vigilemus!

Пугало германизма становится средствомъ защиты и для пасифистовъ, которые во что бы то ни стало стараются спасти традиціонный эволюціонизмъ съ его перспективами безостановочнаго мирнаго прогресса. Они тоже говорятъ, что теперешняя война создана Германіей, какъ очагомъ европейскаго милитаризма; достаточно раздавить змѣиное гнѣздо, чтобы мечи были, наконецъ, перекованы на орала. Конечно, и для насъ очевидна печальная и роковая роль Германіи въ развитіи милитаризма, ужасенъ духъ ея юнкерства и

военщины, своей жестокостью и бездушностью она оказалась болѣе всѣхъ народовъ приспособлена для роли «бронированнаго кулака». Но и эта приспособленность имѣетъ значеніе лишь обостряющаго момента. Основы теперешней міровой войны заложены въ мѣщанской цивилизаціи, которая опирается на международное капиталистическое соперничество; послѣднее въ экономической мысли впервые сознало себя еще въ меркантилизмѣ, какъ система откровеннаго національнаго эгоизма. И принимая капиталистическую цивилизацію, нельзя отмахнуться отъ ея меркантилизма, не только теоретическаго, но и практическаго, каковымъ и является теперешняя война. Поэтому нечего наивничать, полагая, что при отсутствіи воинственнаго германизма можно было бы избѣжать міровой капиталистической войны. Причины здѣсь глубже и, такъ сказать, духовнѣе: тотъ genius loci, который водительствуетъ новоевропейской цивилизаціей, отнюдь не есть геній мира, ему дано не установить миръ, а скорѣе, наоборотъ, взять его отъ земли, разжечь соперничество, ибо онъ есть геній не единенія, но обособленія. А поэтому и надежда на «вѣчный миръ» послѣ паденія германизма должна во всякомъ случаѣ обосновываться глубже, чтобы не производить впечатлѣніе какой-то мечтательности и дѣтской безпечности. Всѣ эти попытки удержать старыя позиціи безъ всякаго измѣненія по существу безнадежны, ибо мы катастрофически вступаемъ въ новый періодъ исторіи.

Два противорѣчивыхъ чувства неизмѣнно присутствуютъ въ нашемъ самознаніи, въ своей антиномической дисгармоніи составляя нѣкій чудесно созвучный аккордъ: чувство мѣста и привязанности къ міру,

на которомъ зиждется идея эволюціоннаго прогресса, и чувство конца, катастрофическаго отрыва и разрушенія. Не можемъ и не должны мы, дѣти земли, отрываться отъ лона матери и отрекаться отъ міра, но и не можемъ и не должны мы до конца ему вѣрить, хотя бы уже потому, что у каждаго изъ насъ за плечами стоитъ ангелъ смерти, и въ любую минуту жизни можетъ для насъ прейти этотъ міръ и окончиться время. Потому и увѣщеваетъ всѣхъ вѣрующихъ апостолъ: «*я вамъ сказываю, братія: время уже коротко, такъ что имѣющіе женъ должны быть какъ не имѣющіе; и плачущіе, какъ не плачущіе; и радующіеся, какъ не радующіеся; и покупающіе, какъ не пріобрѣтающіе; и пользующіеся міромъ симъ, какъ не пользующіеся; ибо преходитъ образъ міра сего*» (1 Кор. 7, 29—31).

Внутренняя трудность отношеній съ западомъ для насъ въ томъ и состояла, что западъ черезчуръ крѣпко увѣровалъ въ этотъ міръ, выразивъ собой одну сторону антиноміи жизни, мы же, если въ чемъ и грѣшили до сихъ поръ, то скорѣе въ обратномъ направленіи. И теперь, когда въ спасительномъ огнѣ войны спадаетъ мѣщанская чешуя запада и обнажается безсмертный человѣческій духъ, Европа становится неизмѣримо ближе къ намъ, нежели когда-либо, въ частности, нежели и тогда, когда мы обезьяннически перенимали ея цивилизацію и во имя ея малодушно отрекались отъ своей собственной духовной стихіи. Воистину теперешняя Европа, трагическая и героическая, истерзанная и залитая кровью, смятенная и разоряемая, духовно богаче, чище и выше, нежели то срединное царство, отъ котораго такъ содрогался Герценъ и Константинъ Леонтьевъ и готовъ

былъ бѣжать, куда глаза глядятъ, Гюи Мопассанъ. Мы ясно чувствуемъ, что съ этой братской Европой мы имѣемъ общую духовную судьбу. Только теперь впервые наступаетъ время для нашего сознательнаго и свободнаго самоопредѣленія въ отношеніи къ Европѣ. И надменная Европа предъ лицомъ этой войны, когда смиреніе русскаго воина духовно оказывается сильнѣе европейской цивилизованности, должна отказаться отъ своего презрѣнія къ «варварской» Россіи, отъ своего горделиваго незнанія ея, отъ органическаго непониманія русскаго духа, которое всего гибельнѣе будетъ для самой же Европы. Для Россіи же отходитъ, наконецъ, въ прошлое историческая пора ученичества, вмѣстѣ съ грѣхами этого ученичества. О, и теперь, можетъ-быть, больше чѣмъ когда-либо надо намъ учиться у Европы, «чтобъ въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ», но долженъ быть положенъ конецъ той духовной измѣнѣ своему отечеству, которая совершалась въ душахъ этихъ европейскихъ выучениковъ, когда жрецы иноземной учености затмевали въ жалкихъ душахъ учениковъ напыщеннымъ величіемъ своимъ духовный обликъ матери. Довольно съ насъ западниковъ стараго, фонвизинскаго естества, хотя и новаго покроя. Когда Израиль вошелъ въ Обѣтованную Землю, ему подъ страхомъ смерти запрещено было вступать въ бракъ съ дочерьми болѣе цивилизованныхъ, но объязычившихся хананейскихъ племенъ и отвращать свое сердце отъ Іеговы, дѣлая его удѣломъ Ваала. И не та же ли опасность подстерегала и насъ! Въ семьѣ европейскихъ народовъ мы, безспорно, являемся юнѣйшимъ братомъ, но юность есть сила, и ей принадлежитъ будущее. Всей глубиной существа своего, всей силой вѣры своей,

всѣмъ помышленіемъ своимъ должны мы прежде всего ощутить одно: *мы есьмы*, мы имѣемъ свою собственную плоть и кровь, мы имѣемъ свое духовное лицо. Насъ Богъ помыслилъ, какъ нѣкую самобытную сущность, и этотъ умопостигаемый образъ мы призваны осуществить въ земномъ подобіи. Мы должны стать самими собою, должны осуществить себя самихъ, — вотъ долгъ нашей жизни, историческая задача нашего національнаго бытія, которая именно на насъ наложена, въ которой никто не можетъ насъ замѣнить, ибо это есть дѣло нашей мысли, сердца и воли, всего нашего духовнаго существа. Мы никому не можемъ передать свою духовную индивидуальность. Она есть та творческая задача въ мірѣ, во имя которой вызваны мы изъ небытія. Россія должна явить міру святую Русь, ибо послѣдняя необходима для міра и судебъ человѣческихъ. Имѣть индивидуальность есть не только право, но и обязанность, есть не только мощь, но и отвѣтственность, ибо каждый долженъ дать отчетъ передъ Богомъ за свой именно талантъ: каждому народу и даже каждому индивиду въ извѣстной мѣрѣ ввѣряются судьбы міра, въ той его точкѣ, которая соотвѣтствуетъ его бытійному центру, его творческой личности.

Когда говорятъ о національномъ избраніи и предназначеніи, то у многихъ возникаютъ законныя опасенія кичливаго и духовно-убогаго самопревознесенія и самодовольства; такая исключительная и чрезмѣрная привязанность къ своему духовному мѣсту въ мірѣ, соединенная съ слѣпотой ко всему остальному, таитъ въ себѣ опасность своеобразнаго духовнаго мѣщанства, и, чтобы ей не подвергнуться,

надо помнить, на какой именно чертѣ подстерегаетъ эта опасность, откуда начинается этотъ уклонъ. По слову Плотина, душа есть Афродита, ея женственностью воспламеняется и исполняется силой зачинательный духъ. Нельзя познать душу своего народа, не полюбивъ ея, ибо познавать можно только любовью, лишь ей открывается видѣніе умныхъ сущностей. И вотъ почему, сколько бы ни издѣвались поверхностные умы, тысячу разъ правъ поэтъ, свидѣтельствующій о своемъ ясновидѣніи любви:

Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной,

ибо этотъ взоръ затемненъ нелюбовью и потому требуетъ внѣшнихъ знаменій и оказательствъ. Эросу національности открывается эта духовная сущность, и отсюда родится національное творчество, какъ духовная любовь, какъ рыцарское служеніе, какъ вѣрность обрученнаго. Но, какъ хорошо было вѣдомо грекамъ же, и эросъ бываетъ разный, и есть двѣ Афродиты, небесная и всенародная. Эросъ можетъ получить и чувственный характеръ, а, будучи направленъ на недостойный объектъ, онъ слѣпнетъ относительно истинной своей задачи и тогда становится бездушнымъ, эгоистичнымъ; такое извращеніе національнаго чувства мы наблюдаемъ теперь на своеобразномъ вырожденіи германскаго національнаго эроса, но его опасность всегда подстерегаетъ всѣхъ. Ярче всего эту двойственность національнаго эроса и его противорѣчивость наблюдаемъ мы на исторіи

избраннаго народа Божія, которымъ былъ заключенъ завѣтъ съ Богомъ и съ которымъ, по его вѣрованіямъ, обитала Шехина — слава Божія. Въ его душѣ всегда, во всѣ вѣка его бытія, боролось высокое его призваніе съ темнымъ еврейскимъ національнымъ, и эта борьба раскрывается уже въ пророческихъ писаніяхъ. И эта же опасность, конечно, существуетъ и для народа русскаго. И, прежде всего, избранный народъ, — а вѣдь всякій историческій народъ на что-нибудь избранъ, — долженъ чувствовать свое недостоинство, сознавать свою духовную нищету, ибо то, ради чего онъ избранъ, безконечно превышаетъ его наличную, достигнутую данность. Именно этотъ «пафосъ разстоянія» звучитъ въ словахъ поэта: «о, недостойная избранья, ты избрана!» Надо любить въ своемъ народѣ, какъ и въ себѣ самомъ, не себя, но свое призваніе. Россіи по преимуществу ввѣрены историческія судьбы Православія, отъ котораго долженъ изойти свѣтъ міру, но это не значитъ, что Россія уже есть воистину православная страна, «святая Русь», хотя послѣдняя всегда незримо и умопостигаемо таится въ ней. А потому самодовольство наличной данностью да будетъ далеко отъ насъ! И въ національности своей, которая, вмѣстѣ съ другими связями сердца, привязываетъ насъ къ землѣ, къ мѣсту, должны мы себя чувствовать странниками и пришельцами, всегда находиться въ пути, забывая «заднее», устремляясь впередъ. Въ національномъ самосознаніи долженъ быть рыцарскій пафосъ, воспламеняемый видѣніемъ, «непостижнымъ уму», Прекрасной Дамой, ради которой рыцарь свершаетъ свои подвиги, но горе ему, если онъ приметъ за нее дородную Дульцинею, что̀ случилось теперь

съ Германіей, и горе ему, если онъ, вмѣсто ея защиты до послѣдней крови, обратится въ бѣгство или отдастся въ плѣнъ, какъ это случилось съ нашимъ западничествомъ. Національность есть высшая цѣнность, но не послѣдняя: она необходимо лежитъ на пути къ вселенскому самосознанію, но не должна отъ него отвращать и преграждать къ нему дорогу. Богъ сдвигаетъ съ мѣста свѣтильникъ, если служители его недостойны, и это звучитъ вѣчной угрозой и вѣчной отвѣтственностью. Ибо избраніе даетъ силу, но не насилуетъ, и закономъ жизни и творчества и здѣсь остается с в о б о д а.

Міръ ждетъ русскаго слова, русскаго творчества, порыва и вдохновенія. Міру должна быть явлена мощь русскаго духа, его религіозная глубина: царство «третьяго Рима» — новой Византіи, которая заступила въ исторіи духовное мѣсто Византіи павшей и нынѣ готовится торжественно вступить въ ея столицу, въ царственный градъ Константина, должно явить нововизантійскую, русско-православную культуру христіанскаго востока. Тогда свершится полнота западно-восточнаго міра, сомкнется кругъ исторической цѣпи. Наступаетъ историческая череда Россіи, отъ нея зависитъ будущее, не для нея только, но и для всего міра. Ибо нынѣ окончательно надвинулась эпоха *міровой* исторіи, когда все, что имѣетъ совершаться, свершается для всѣхъ народовъ, для всего міра, — пора мѣстныхъ обособленій уже миновала. И эта война проливаемой кровью спаиваетъ Европу въ нерасторжимое единство, ибо нѣтъ исторической силы, которая бы болѣе сближала народы, нежели война. Европа есть центръ міра, то, что совершается въ Европѣ, совершается и во всемъ мірѣ. Надвигается историче-

ская жатва, пора зрѣлости, предвѣстіе конца. Въ русской душѣ всегда жила скорбь за всѣхъ, печалованіе о судьбахъ всего міра, вселенское самосознаніе. И этому вселенскому самосознанію соотвѣтствуетъ, что надвигающаяся эпоха исторіи, въ которой по многимъ признакамъ опредѣляющая роль будетъ принадлежать славянству, а прежде всего Россіи, совпадаетъ съ этимъ міровымъ масштабомъ исторіи. Это предчувствіе вселенскаго историческаго служенія сопряжено и съ другимъ историческимъ предчувствіемъ, которое не менѣе глубоко искони вѣковъ залегло въ русской душѣ, — чувствомъ конца, нашимъ русскимъ апокалипсисомъ. Человѣку не дано вѣдать времена и сроки, которые положилъ Отецъ Небесный, но по смоковницѣ, вѣтви которой становятся мягки и пускаютъ листья свои, можемъ мы заключить, что близко лѣто, и надвигается пора историческихъ свершеній. Конвульсивно ускоряется ходъ исторіи и, если только вообще есть конецъ, то ясно, что міръ мчится къ этому таинственному, страшному и свѣтозарному концу своего теперешняго эона. Здѣсь мы опять сталкиваемся лицомъ къ лицу съ идеей эволюціоннаго прогресса, въ который вчера только вѣрили повсемѣстно и для котораго принципіально *не* существуетъ идеи конца. Но именно потому для него нѣтъ и идеи Будущаго, если все дано уже въ настоящемъ и господствуетъ одна лишь непрерывная его эволюція. Для имѣющихъ уши слышать давно уже предчувствуется, и нынѣ сильнѣе, чѣмъ прежде, приближеніе Будущаго, какъ совершенно новой эры въ исторіи человѣчества, таящей въ себѣ предваренія міровыхъ свершеній. Хотя на короткій срокъ, но должна быть преодолѣна

всеобщая секуляризація жизни съ ея неорганичностью и явлена универсальная теократія, «тысячелѣтнее царство» святыхъ на землѣ. Ея-то, сознательно или безсознательно, но трепетно жаждетъ русское сердце, по цѣльной, нераздробленной жизни оно тоскуетъ. И въ рѣшительную минуту исторіи, въ конечный, а потому самый зрѣлый ея часъ, послѣдній разъ столкнутся два чувства жизни, двѣ вѣры, двѣ любви: amor loci, съ его эволюціей и безбудущностью, и чаяніе новой земли и новаго неба, окончательнаго преображенія міра и твари, жизни будущаго вѣка. Изначальная и вѣковая антиномія, живущая въ человѣческомъ сердцѣ, осознается и опредѣлится, какъ столкновеніе двухъ царствъ, двухъ міровъ, двухъ волъ: царства отъ міра сего во главѣ съ тѣмъ, кто придетъ во имя свое, и царство не отъ міра, имѣющее Царя Кроткаго, Христа, творящаго волю Отца. Исторія есть трагическое осознаніе этой антиноміи, и міровая война будитъ въ душѣ ея неумолчную боль съ новой силой и принудительно придвигаетъ къ этимъ вопросамъ. Въ крови мучениковъ, проливаемой нынѣ на поляхъ европейскаго міра, истлѣваетъ грѣхъ европейскаго соблазна и тѣмъ самымъ зарождается духовно человѣкъ Будущности Предъ этимъ кошмарнымъ ужасомъ, для котораго безсильно слово, предъ этимъ изступленіемъ человѣческимъ, кто же не содрогается и не трепещетъ въ сердцѣ своемъ, ибо, воистину, «страшно впасть въ руки Бога живаго»! Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что же имѣетъ теперь значеніе, болѣе творческое, культурное, историческое, апокалиптическое, нежели эта же война, которую геній народный, вѣрно чувствуя въ ней трагическое освященіе человѣчества, уже назвалъ с в я-

щ е н н о й? Какими же словами сумѣемъ мы воздать славу, какой благодарностью можемъ мы возблагодарить наше воинство, которое тихимъ свѣтомъ своего величія явило намъ и всему міру сокровища русской души, ея простоту, чистоту и вѣру, которое дало намъ еще разъ опознать себя въ путяхъ исторіи, подтвердило и удостовѣрило правду поэтическаго прозрѣнія: «о, недостойная избранья! ты избрана»! Русское воинство величіемъ своего духа спасаетъ и освобождаетъ міръ отъ преждевременной угрозы антихристова плѣненія. Но не является ли это указаніемъ, что и иное служеніе міру ждется отъ Россіи, иной подвигъ,— не битвы, но спасающей любви и вѣры. Воинство ратное зоветъ себѣ на смѣну воинство духовное. Гряди же, гряди, святая Русь!

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

РЕСТАВРАЦИЯ
НЕ КОПИРОВАТЬ!

Того же автора.

О РЫНКАХЪ ПРИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМЪ ПРОИЗВОДСТВѢ. Москва. 1897. Ц. 1 р. 25 к. (Распродано.)

КАПИТАЛИЗМЪ И ЗЕМЛЕДѢЛІЕ. Два тома. Петроградъ. 1900. Ц. 5 р. (Книжный складъ „Общественная Польза".)

ОТЪ МАРКСИЗМА КЪ ИДЕАЛИЗМУ. Сборникъ статей 1896—1903.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ автора. 1) О закономѣрности соціальныхъ явленій. 2) Законъ причинности и свобода человѣческихъ дѣйствій. 3) Хозяйство и право. 4) Иванъ Карамазовъ какъ философскій типъ. 5) Основныя проблемы теоріи прогресса. 6) Душевная драма Герцена. 7) Что даетъ современному сознанію философія Владимира Соловьева? 8) Объ экономическомъ идеалѣ. 9) О соціальномъ идеалѣ. 10) Задачи политической экономіи. Петроградъ. 1904. Цѣна 1 р. 50 к. (Посл. экз. въ складѣ „Общественная Польза".)

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Вып. I. Изд. Д. П. Ефимова. Ц. 60 к. Москва. 1907.

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКИХЪ УЧЕНІЙ. Вып. I. Цѣна 1 р. 50 к. Москва. 1913. Складъ въ изд-вѣ „Путь".

ДУШЕВНАЯ ДРАМА ГЕРЦЕНА. Кіевъ. 1905.

ЧЕХОВЪ КАКЪ МЫСЛИТЕЛЬ. Изд. 2-е. Москва. 1911.

ДВА ГРАДА. Изслѣдованія о природѣ общественныхъ идеаловъ. Въ 2-хъ томахъ. Ц. 3 р. за оба тома. Содержаніе: Томъ I. Предисловіе. 1) Религія человѣкобожія у Л. Фейербаха. 2) К. Марксъ какъ религіозный типъ. 3) О соціальномъ моралистѣ (Т. Карлейль). 4) Средневѣковый идеалъ и современная культура. 5) Христіанство и соціальный вопросъ. 6) Народное хозяйство и религіозная личность. 7) О первохристіанствѣ. Томъ II. 8) Первохристіанство и соціализмъ. 9) Апокалиптика и соціализмъ. 10) Религія человѣкобожія среди русской интеллигенціи: I. Религія человѣкобожія въ русской революціи. II. Воскресеніе Христа и современное сознаніе. III. Героизмъ и подвижничество. 11) Философскія характеристики: I. Вѣнецъ терновый (Ѳ. М. Достоевскій). II. Философія кн. С. Н. Трубецкого и современная духовная борьба. III. Загадочный мыслитель (Н. Ѳ. Ѳедоровъ). 12) Изъ философіи культуры: I. Размышленія о національности. II. Церковь и культура. Изд-во „Путь". 1911.

ФИЛОСОФІЯ ХОЗЯЙСТВА. Часть I. **Міръ какъ хозяйство.** Ц. 2 р. 1912. Стр. IV+321. Изд-во „Путь".

СОДЕРЖАНІЕ: I. Проблема философіи хозяйства. II. Натурфилософскія основы теоріи хозяйства. III. Значеніе основныхъ хозяйственныхъ функцій. IV. О трансцендентальномъ субъектѣ хозяйства: 1) Человѣкъ и человѣчество. 2) Софійность хозяйства. V. Природа науки. VI. Хозяйство какъ синтезъ свободы и необходимости. VII. Границы соціальнаго детерминизма. VIII. Феноменологія хозяйства. IX. Экономическій матеріализмъ какъ философія хозяйства.

ЧЕЛОВѢКОБОГЪ И ЧЕЛОВѢКОЗВѢРЬ. Публичная лекція. Изданіе „Творчества". Москва. 1913. Цѣна 30 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ФИЛОСОФІЯ РЕЛИГІИ. Изслѣдованіе.

Цѣна 25 коп.